

КОГДА МЫ БЫЛИ МОЛОДЫМИ

Когда мы стали студентами, нам было в основном восемнадцать и казалось, что мы можем всё, только вот чуть подучимся. Большая часть из нас буквально понимала песенную фразу «молодым открыты все пути». Ничего не страшно! Иди, делай, старайся и всё будет, как хочешь! Такой был настрой! Взросление и понимание всех сложностей жизни было еще впереди. А в то время мы радовались всему на этом свете, как дети! Да мы ими и были в подавляющем большинстве.

НАШИ УЧИТЕЛЯ

Наши УЧИТЕЛЯ становились НАШИМИ УЧИТЕЛЯМИ иногда еще до прихода в МГУ. Некоторые из нас занимались в геологических и географических кружках при Домах Пионеров и на Геологическом и Географическом факультетах МГУ. Например, Тед Федоров, Ира Щербакова, Сережа Несмеянов, Муза Раменская, Володя Стрельцов, Галя Рошкован, Мая Калинина, Эмма Пичий и наверно кто-то еще. Читали книги про будущую специальность. Фамилии Обручева и Ефремова знали все.

«Нам повезло – пишет с Чукотки *Юра Агальцов* -- мы прошли великолепную школу! Думаю, все осознали это, начав самостоятельно работать. Я не могу не выделить УЧИТЕЛЕЙ – в буквальном, большом смысле этого слова.

Алексей Алексеевич Богданов. Самый главный УЧИТЕЛЬ. Подаренный в Казахстане им молоток прошел со мной всю жизнь и сейчас рядом, с обломанным кончиком, тесавшийся, но дорогой и верный.

Александр Александрович Максимов – от него в нашем деле привычка во все въедаться досконально, но воспринимать с юмором.

Александр Евгеньевич Михайлов – «Пан». Научил региональному мышлению и осмыслению увиденного под ногами. Два последних курса я работал в поле, в Казахстане, у него по подготовке к изданию листа М42. Умение картировать -- от него.

Дмитрий Павлович Найдин. Низкий поклон и благодарность ему за привитые способности широко глядеть на мир и жить интереснее от этого. Познавать не только геологию, но и историю, и культуру, и обычаи, и ремёсла – все многообразие мест, в которые попадал.

Елена Михайловна Захарова. Первые навыки поисковых работ. Работал с ней в Казахстане. Заложено чутьё: от первых крох минералов – к месторождению. От нее и терпение в необходимых, но нудных работах, например, -- в профильной металлометрии. Старший друг. Житейский советник. Образец женщины. С ней – я всю жизнь.

Владимир Иванович Смирнов. Научил четкости, способности выделить главное, суть. Спокойно, без суеты – к намеченному.

Петр Петрович Мамонтов. Друг, как старший брат. Научил не бояться нестандартных решений, дел. От него любовь к озорным стихам и песням. Полезная авантюризм. Убежденность, что рельеф дело нешуточное, а геоморфология и четвертичная геология есть вещь необходимая, если хочешь, чтобы россыпи были тебе приятны и понятны.

Григорий Федорович Крашенинников – «Гриндель». С первых лекций поразил необычностью, исчерпывающей точностью формулировок и определений, исключая какие-либо другие толкования и понимания. Литология, осадочная петрография – почтение и необходимость точной определенности в них привились очень надолго.

Георгий Павлович Леонов. Горю от стыда до сих пор! На защите своей курсовой работы по Казахстану, после третьего курса, я упорно не мог понять, почему он допытывается у меня: зачем я поместил в стратиграфическую колонку метасоматиты – «вторичные кварциты»... В конце концов, он горестно махнул рукой: «Ну что с него взять!». Много позднее осознав, что я болван болваном, до конца дней своих несу особое почтение к Богине Стратиграфии (и к ее иконе – колонке). И считаю, что без максимальной точности оной, всё в геологии легко может быть не тем, чем кажется.

Юрий Александрович Орлов. Образец жизненной силы, любви к ней. Блестящий, оригинальный лектор. Удивительная способность необычно заложить необходимые знания. Вспомните, -- что общего между гастроподами и гастрономами; какая разница между тазом и черепом мамонта; кричали ли, и как, динозавры; близки ли и в чем археоптериксы и архиереи; и что способны сделать с зав. кафедрой окружающие его «бабёнки» -- сотрудницы и т.д.? Не совсем понятно? Забыли? Но за то мы способны до сих пор помнить все классы, семейства и даже отдельные виды из матушки палеонтологии.

Сергей Дмитриевич Четвериков. Надо ли говорить, что его книга всегда была рядом с микроскопом. Без нее, то есть -- без Него -- не написан ни один отчет, ни одна статья. Он – образец воспитанности, джентльменства. В памяти он всегда -- во фраке, не иначе!

Олег Александрович Мазарович. Самое ценное, крайне необходимое чему он научил -- это полевой быт делать максимально комфортным. В первые годы работы, когда партия состояла из приписанных расконвоированных эзков (вольными были лишь начальник и геолог), и учась у них устройству полевой жизни, ловил себя на мысли, что многое уже знакомо, что так и надо. Откуда? От Олега Александровича! Без иронии - полевой быт, максимальные житейские удобства – не менее половины успеха работ».

А иногда судьба словно вела по жизни будущего геолога. Вот что рассказывает о себе *Володя Буданов*:

«Профессиональная ориентация на геологию сложилась у меня в 1945 году. Сразу после окончания войны нашли возможность послать 10–15-летних деревенских мальчишек и девчонок в пионерские лагеря. Я попал в пионерлагерь на Поляне Фрунзе в Жигулях. Фантастически красивым оказалось это место, особенно по сравнению со степной частью Куйбышевской области, где жила наша семья. Зелёные поляны и заросли, холмы с заброшенными купеческими садами, Волга близко, лагерь уютный, кормёжка умопомрачительная для нас, изрядно наголодавшихся в войну. Занимались спортом. У нас было отличное футбольное поле, а футболистам и легкоатлетам – двойная порция в столовой! Собственно пионерской работой постоянным спортсменам особенно не докучали.

Ходили в походы, таскали за собой огромный котел, в котором варили кашу, сидели вокруг ночного костра на берегу Волги -- а в этом месте как раз круто поднимались холмы и горные откосы, заросшие брошенными и одичавшими садами, в которых было много яблок, тёрна, ягод. Здесь же были, хотя и узкие, но замечательные песчаные пляжи. Один раз во время купания я заметил в песке небольшой кристалл кварца. Он был сверкающий, поразительный в своей прозрачности и божественной правильности! Этот кристалл я хранил долгие годы, почти, как амулет. Именно он вызвал у меня пока еще очень смутные мечты о работе геолога. В нашей голой степи на берегах неторопливой речки Кондурчи ничем нельзя было подкрепить возникую к геологии тягу.

Поразительно и почти мистически выглядит развитие круга моего чтения. В первом классе, вместо примитивных книжек, которые мне рекомендовали, я попросил себе «Путешествие на корабле «Бигль». Недоверчивая библиотекарьша потребовала пересказать содержание книги. На меня

очень повлияли «Песнь о Гайавате» и «Борьба за огонь», явившиеся основами для наших игр. «Дальние страны» подстегивали тягу к путешествиям, а у нас рядом не было не то, что станции, – самой железной дороги не было, да и автомобили были тогда большой редкостью, а шофёры – очень уважаемыми людьми. В третьем классе я прочел «Малахитовую шкатулку», «Джуру», а в четвертом -- «Жизнь животных» Брема. Прекрасное неадаптированное, старинное издание с гравюрами и всеми охотничьими байками. Эту книгу привез мне с деревенского базара отец. В пятом и шестом классах прочел «Дерсу Узала», рассказы и повести Джека Лондона, повести М.Твена о приключениях Тома Сойера и Гекльберри Финна, в седьмом – «На краю Ойкумены», «Путешествия Баурджеда» и замечательные рассказы И.Ефремова «Алмазная труба», «Белый рог», «Озеро горных духов» и др.

Кто бы мог подумать, что в моей жизни будут и морские путешествия, и сибирская тайга, и десятки лет работы на Памире (именно в местах, в которых развивались захватывающие приключения романа Г.Тушкана), и работа в пустынях Египта?

Затем началась замечательная географическая серия (Пржевальский, Ливингстон, Стенли, Певцов, Сапожников, Козлов и другие). Эти книжки я, экономя на булочках, покупал в книжном магазине моего родного городка Мелекесса, куда мы переехали из деревни. Еще я прочел «Мои путешествия по Сибири» В.А.Обручева, «Занимательную геохимию» и «Воспоминания о камне» А.Е.Ферсмана и даже копался в справочнике по минералогии, случайно оказавшемся у меня.

В 1949 году я написал письмо академику Владимиру Афанасьевичу Обручеву, почти «на деревню дедушке», и через неделю, к моему удивлению и потрясению, от 86-летнего ученого получил ответ! (См.фото 61). В.А. рекомендовал побольше заниматься физикой и химией, вдумчивей читать и перечитывать книги, а затем уже решить, в какой вуз идти. «Вопрос происхождения пегматитов очень интересный, но сначала нужно хорошо усвоить физику и химию, и, конечно, минералогию с кристаллографией, которые подведут Вас позже к геохимии. Может быть, Вам лучше будет поступить не в

геологоразведочный институт, а в университет на геологический факультет, где будет больше времени для усвоения физики, химии и геологии, чем в разведочном, где много времени уходит на технические науки».

Поразительно, как в мальчишечьем лепете ученый угадал антипатии, пристрастия и склонности, какие мудрые и четкие дал советы! Я эти советы отца русской геологии тогда и в последующие годы выполнял просто буквально.

Остаток школьных дней я провел в неустанных занятиях спортом, готовясь к тяжелой геологической жизни. Этому очень способствовал наш учитель физкультуры В.В.Конашков, сам разносторонний спортсмен, приучивший и нас пробовать свои силы во всем. Так, я занимался лыжами, плаванием, легкой атлетикой, боксом, греблей, шахматами. В.В. говаривал: «древние греки считали, что до 20 лет надо лепить кувшин, а только потом наливать его вином просвещения. Нам некогда, так что будем одновременно и лепить кувшин и наливать его вином просвещения». Замечательными были и другие наши учителя: наш директор М.С.Кононенко – блестящий, но контуженный на фронте лингвист; завуч И.В.Номофилов – кадровый разведчик с целым иконостасом орденов, которые он, впрочем, никогда не носил; И.Д.Хмарский – репрессированный дипломат, блистательный интеллигент и незаурядный писатель; добрейший П.Д.Жаренов – «наша классная дама», как он выражался, и многие другие. Им я обязан тем, что смог спокойно учиться в МГУ. В 1951г. я поступил на геологический факультет МГУ.

Самые интересные лекции на первом курсе читал проф. О.К.Ланге. Ближе всего я подружился с проф. Сергеем Дмитриевичем Четвериковым, к которому подкатился со своей коллекцией марок. Она была, конечно, пустяковая, но большая и с десятком настоящих раритетов, которые я отыскал в свое время на свалке мусора за зданием Управления железной дороги в г.Куйбышеве, в котором мы жили во время войны. Я предложил С.Д. марки в обмен на книги, которые, возможно, у него есть и уже ему не нужны, а мне бы оказались полезными. Тогда-то я и узнал, что такое хохот настоящего улана! Добрейший С.Д. принес на другой день огромную стопу книг, в том

числе и «Петрографию» под его редакцией. Так сформировалось направление, которому я собирался посвятить свою жизнь геолога. Он помогал мне книгами во все время учебы, и даже присылал их мне, когда я уже уехал на работу в Таджикистан.

Но в 1952г. нас вдруг позвали на важное собрание. В крохотной аудитории в старом здании МГУ за столом сидели знаменитые геохимики А.П.Виноградов, А.А.Сауков, В.И.Баранов, К.К.Жиров, а за партами мы – несколько студентов-первокурсников. Нам рассказали об организации новой кафедры геохимии и предложили подумать о переходе на нее для специализации. Мы с Олегом Борисовым ни минуты не сомневались, не собираясь, впрочем, терять связь с кафедрой петрографии, а наш друг Володя Сорокин остался верен кафедре полезных ископаемых. После переезда в новое здание на Ленинских горах мы надолго засели в лабораториях кафедры, особенно в спектральной, где нас опекала Л.А.Борисёнок. постоянно занимался нашими проблемами К.К.Жиров. А.П.Виноградов, А.А.Сауков и В.И.Баранов, как потом стало известно, безумно занятые важными оборонными делами, появлялись только для чтения лекций и консультаций. Например, А.А.Сауков, научный руководитель наших дипломов, приглашал нас для общения с ним вечером к себе домой.

Замечательные лекции по петрографии читал нам проф. Е.А.Кузнецов, который иногда, вместо консультации или в ознаменование успешной сдачи зачета или экзамена, приглашал посмотреть очередную серию рисунков, которую он привозил с Урала или из Казахстана. На факультете он часто делал выставки, картины его я считал замечательными. Этюды уральских озер выглядели импрессионистски. Огромные курсы читали нам Г.П.Леонов, Н.М.Страхов, В.И.Смирнов, Н.А.Смольянинов. С.Д.Четвериков читал нам лекции по физико-химическим основам петрографии, по оптической минералогии и вёл замечательные практические занятия. Мое университетское образование завершилось двумя длительными практиками в Южной Якутии и защитой диплома по петрографии и геохимии этого региона, где я участвовал в среднемасштабной съемке в качестве прораба».

Вспоминает *Миша Гончаров*:

«Самая первая, 1-го сентября прослушанная нами - вчерашними школьниками – лекция была из курса «Общая геология», которая читалась и поныне читается на кафедре динамической геологии. Эту лекцию блестяще прочитала нам Александра Фёдоровна Якушева, тогда доцент кафедры (впоследствии профессор). Тогда она еще не была основным лектором этого курса и по какой-то причине заменяла профессора Октавия Константиновича Ланге, который одновременно возглавлял тогда и кафедру динамической геологии. В весеннюю сессию 1952г. Октавий Константинович, производивший впечатление этакого «добротного дедушки», весьма благожелательно, но в то же время достаточно строго, принимал у нас экзамен по этому курсу. Практические занятия в нашей группе вела молодая и энергичная Наталья Борисовна Лебедева (тогда ассистент, а впоследствии доцент кафедры). Она же руководила и моей первой курсовой работой, посвященной метеоритам. Честно признаюсь, что писал я её в последние три дня перед защитой. Наивно рассчитывал, что компенсирую нехватку времени на серьезную проработку темы пафосом изложения. «Если выйти в прохладный вечер на балкон полюбоваться звездами, то одна из них непременно упадёт и вызовет печальное ощущение скоротечности всего сущего в этом мире...» - писал я о падающем метеорите. Наталья Борисовна безжалостно вычеркнула эту «романтику» и снизила оценку за работу. Впредь к курсовым работам пришлось относиться посерьезней. Она же проводила с нами учебную практику по общей геологии в Подмосковье, порой в тех местах, которые ныне окончательно застроены. Первое описанное нами обнажение располагалось в выемке Окружной железной дороги при ее пересечении с будущим Ленинским проспектом -- тогда это была Калужская застава. Заканчивался этот первый маршрут на Воробьевых горах, где разворачивалась гигантская стройка нового здания МГУ. В этом маршруте обнажался непрерывный разрез ярусов верхней юры

и нижнего мела. В верхнеюрских глинах у уреза Москвы-реки можно было найти целые аммониты размером в несколько десятков сантиметров.

В конце второго курса (а не с начала первого курса, как теперь) нужно было выбрать для себя одну из кафедр геологического отделения. И многие из нас, в том числе и я, выбрали кафедру исторической геологии, которой тогда заведовал колоритный Алексей Алексеевич Богданов, как поговаривали, прототип одного из героев романа И.А. Ефремова, писателя и палеонтолога, книгами которого мы, будущие геологи, буквально зачитывались.

Первую лекцию в Новом здании на третьем курсе нам читал профессор Владимир Владимирович Белоусов. В начале лекции Владимир Владимирович произнес знаменитую формулу геолога «Mente et Malleo» («Умом и молотком»). Яркая и неординарная личность произвела на нас огромное впечатление! Когда я и Валя Лаврѐнов узнали, что Владимир Владимирович Белоусов состоит в штате кафедры динамической геологии, мы приложили все силы, чтобы оказаться на этой кафедре.

Надо признаться, что в течение первых трех лет учебы мне все больше казалось, что геология, в отличие от математики, физики и химии, представляет собой некое нагромождение самых разнообразных явлений без каких-либо закономерных глубинных связей между ними. И поэтому подготовка к экзаменам сводилась к зубрежке свойств минералов, строения ископаемых раковин, стратиграфических разрезов конкретных регионов и т.п. В качестве недостижимого для геологии идеала перед глазами стояли теорема Пифагора, законы Ньютона, периодическая система элементов Менделеева и другие «краеугольные камни» точных наук. И вот в таком пессимистическом умонастроении я неожиданно познакомился с книгой Владимира Владимировича Белоусова «Основные вопросы геотектоники». Я «проглотил» эту книгу почти залпом, как когда-то в ранней юности роман «Граф Монте-Кристо» Александра Дюма. В гео-

логии, оказалось, возможны четкие закономерности! На лекциях Владимира Владимировича по курсу «Геотектоника» мы, студенты, не просто сидели и слушали, а – внимали. Он умел ярко и образно донести непростые истины своей науки, показать, что геотектоника – это настоящая «философия геологии». Выбор моей специализации был предопределён.

Как очень яркие запомнились лекции доцента кафедры (ныне проф.) Натальи Петровны Костенко по геоморфологии. Она образно доносила до студентов многие тонкости этой науки. В отличие от строгого в терминологии Владимира Владимировича Белоусова, она не стеснялась в выражениях типа «антиклинали со вспоротыми брюшками», «складки, растущие в условиях структурной тесноты», «живая» и «мертвая» тектоника и т.п., вряд ли уместных в публикациях, но весьма оригинальных и потому легко запоминавшихся в лекциях, отличавшихся пафосом и артистизмом.

На IV и V курсах мы проходили производственную практику. В этом вопросе на обоих «родственных» кафедрах проводилась разная политика, что тоже определило мой выбор кафедры динамической геологии.

На кафедре исторической геологии Алексей Алексеевич Богданов считал, что главное для геолога – это геологическая съёмка, и поэтому в директивном порядке направлял своих студентов в возглавляемую им же многолетнюю Казахстанскую экспедицию (к слову сказать – настоящую «кузницу кадров» будущих геологов-съёмщиков). Заведующий кафедрой динамической геологии Георгий Петрович Горшков, однако, считал, что студентов не следует так жёстко ограничивать и что любые полевые работы хороши, лишь бы студенты ехали на них по собственному выбору.

Так случилось и со мной. Меня с юности влекло море, и я через посредство известного морского геолога В.П. Зенковича и организацию под названием «Гипрорыбпром» был направлен в экспедицию на Охотское море. Морской ро-

мантики там хватало, а вот геологическая практика оказалась более, чем скромной и ограничивалась изучением гальки на пляже и образцами морских осадков из дночерпателя. К тому же воды и пляжи Охотского моря «несколько» отличались от черноморских, а купаться прямо в телогрейке иногда все-таки приходилось.

Собранного материала оказалось недостаточно для написания курсовой работы, и мой научный руководитель Николай Андреевич Сягаев предложил другую тему: «Термический режим Земли и геотектоника». Получилось эклектическое сочетание геолого-морской романтики с высокой теорией при полном пробеле в геолого-съёмочной практике.

Правда, этот пробел я попытался восполнить на следующей, преддипломной практике в тематической экспедиции на Северо-западный Кавказ под руководством того же Николая Андреевича Сягаева, которого я вспоминаю с большой теплотой. Мало того, на этой практике я весьма серьезно увлекся проблемой складкообразования, которая впоследствии фигурировала в моих кандидатской и докторской диссертациях, а также в двух монографиях.

Что касается морской тематики, то я в последнее время вспомнил и об этом своём былом увлечении и три года занимался проблемой формирования структурного парагенеза рифтовых долин и трансформных разломов срединно-океанических хребтов при поддержке гранта РФФИ. Так что толерантное отношение к производственной практике студентов на кафедре динамической геологии имеет свои плюсы, при известном ущербе в приобретении опыта более узкой специализации (геологической съёмки), в чём я убедился на собственном опыте».

Обе производственные практики я (*Мила Ким*) проходила в составе Казахстанской экспедиции проф. А.А.Богданова в партиях О.А.Мазаровича, Е.Е.Милановского и Ю.А.Зайцева. Вели с нами практику Р.Н.Соболев и П.Ф.Емельяненко. Руководителем дипломной работы был проф. В.С.Коптев-

Дворников, грозный внешне, но добрый по отношению к студентам. Помню, как он вызвал нас в начале V курса, чтобы ознакомиться с тем, что мы начали делать. Первую главу «Физико-географический очерк исследуемого района» он не стал просматривать, не желая читать «о птичках».

По мнению *Миши Ломизе* из наших факультетских профессоров, особенно выделялись Г.П.Леонов, Ю.А.Орлов, А.А.Богданов.

А с точки зрения геохимика (*Гали Постниковой*) самыми значительными были Александр Павлович Виноградов и Александр Александрович Сауков. Уже в наше время А.П. был директором института и академиком. Его лекции было легко записать, понять и запомнить. А на экзаменах на столах в открытую лежали учебники и монографии на английском и немецком. А.П. не придирался к мелочам – надо было усвоить самое главное, научиться ориентироваться в геохимии как науке. А.А.Сауков был руководителем моих курсовой и диплома. Повезло нам с учителями!

«Самым моим любимым преподавателем (пишет *Света Ожиганова*) был Н.В.Белов. Меня поражало удивительное сочетание гениальности и простоты в этом человеке. Помню, когда у нас начинались занятия на кафедре кристаллографии, он снимал пиджак, садился на край стола, и, поигрывая подтяжками, начинал читать лекцию, временами развлекая разговорами о том, где кто жил и учился до МГУ. Он меня так и звал – Светлана из Уфы и любил, чтобы я демонстрировала свою память (зачитывал столбики цифр и я тут же их повторяла). А любовь к минералогии привила удивительно преданная своему предмету Лия Константиновна Яхонтова. Долгие годы потом, благодаря её наставлениям, я могла разбираться в минералах и их свойствах.»

«Одним из блестящих лекторов (говорит *Маша Роев*) был акад. Владимир Иванович Смирнов, читавший курс полезных ископаемых. Все лекции по этому предмету были по-

строены по единому плану, в связи с чем материал сам собой укладывался в голове. Он излагал данные по каждому элементу логично, полно и вместе с тем ничего лишнего. Яркие примеры особенностей геологического строения крупнейших месторождений мира запомнились на всю жизнь. Владимир Иванович научил нас логике и краткости изложения. Эта наука пригодилась с самых первых самостоятельных шагов, и я очень благодарна ему за это».

Любимыми преподавателями для геофизика *Иры Мирошниченко* были: Федынский Всеволод Владимирович (зав. кафедрой) -- он читал гравиметрию, Полшков Михаил Константинович – читал сейсморазведку, Крейнис Михаил Александрович – очень хорошо читал нам математический анализ. Запомнились Старшинова Елена Константиновна, которая занималась английским с начинающими «англичанами», Епинатьева Антонина Михайловна и Ризниченко Юрий Владимирович, читавшие сейсморазведку.

По воспоминаниям *Стаса Снеговского*: читавший нам физику Земли проф. В.А.Магницкий не запрещал пользоваться на экзамене конспектами и книгами, подходя к оценке наших знаний с иной меркой и не требуя от нас зубрежки.

А лекции Всеволода Владимировича Федынского часто шли два часа без перерыва, причём он успевал дать очень много материала, а его формулировки были сжаты и закончены. Колоссальный объем работы, который Всеволод Владимирович выполнял в Министерстве, во всевозможных комитетах и с нами, мог быть реализован только при такой организованности и бережливости рабочего времени.

Уже позже на научных конференциях я присутствовал при выступлениях Владимира Владимировича Белоусова. Они всегда отличались бескомпромиссной убежденностью, и это вызывало смешанное чувство уважения к докладчику и сомнения в правоте такой однозначности – ведь наши знания о глубинных процессах, происходящих в Земле, так несовершенны и порой гипотетичны. Последний раз я видел Владимира Вла-

димировича в Хабаровске на совещании по тектонике Дальнего Востока.

Вспоминая студенческие годы, с благоговением думаю о том, как много дали нам наши профессора и преподаватели, обучая нас не только премудростям своей науки, но и благородству, честности, великодушию. Одни из них были скромны и как-то даже неприметны, хотя прекрасно излагали свой курс, например, Ю.В.Ризниченко, Н.Б.Лебедева; другие величественны и монументальны, как О.К.Ланге, В.В.Белоусов. Были очень сдержанные – В.В.Федынский, Е.Ф.Саваренский или очень добродушные, как М.К.Крылов, М.К.Полшков, но все они были, каждый по-своему, замечательными и выдающимися личностями. Нельзя не упомянуть при этом наших аспирантов С.М.Зверева, Е.Д.Корякина и др., которые также внесли большой вклад в дело воспитания нас, как будущих специалистов, ученых. Они вели научные семинары и практические занятия, были ближе к нам, студентам, и вдохновляли нас своим примером.

Наш курс был, наверное, последним, кому посчастливилось видеть преподавателей старого поколения с их милыми чудачествами и необыкновенной добротой. У нас, геофизиков, лекции по петрографии читал профессор, у которого были бережно хранимые конспекты, которые он вел, когда был еще студентом, в Германии. Когда мы начинали слишком оживленно шептаться во время лекции, он рассказывал анекдот, считая, что этим дает аудитории возможность отдохнуть, либо задавал вопрос: «Откуда тут появилось радио?» Прямых замечаний он никогда не делал. Мне довелось в еще большей мере испытать доброту этого человека. В одну из сессий, когда как раз мы должны были сдавать экзамен по петрографии, я имел неосторожность накануне поспорить с полковником на экзамене по спецподготовке. Он поставил мне тройку. Начальник военной кафедры разрешил пересдать экзамен, и я со всем усердием, на которое был способен, принялся вновь за воинские уставы. Достаточно опустошённый после всего этого, я пошёл на экзамен по петрографии в каком-то равнодушном состоянии – не хотелось даже списывать. По первому вопросу – о типах лав – я что-то знал и бодро приступил к рассказу.

Вскоре меня остановили – дескать, все это правильно, но лучше было бы... – и дальше экзаменатор продолжил рассказ сам. Отвечать на следующие вопросы я ему уже не мешал. При подведении итогов мне было сказано, что если бы не первый вопрос, то я, несомненно, заслужил бы пятерку. Открыв зачетку, чтобы поставить отметку, профессор увидел мои предыдущие оценки «отлично» (по спецподготовке отметка не была проставлена) и заявил, что он не имеет права портить мне сессию. Он задаст мне небольшой дополнительный вопрос, «ну, совсем небольшой», и поставит мне 5. Мне пришлось долго убеждать его не делать этого.

Однажды весной, когда у нас, геофизиков, оставался последний экзамен по исторической геологии, мы с Игорем Николаевым решили «расслабиться». Загорали, играли в волейбол, катались на лодке, конечно, прихватив с собой учебники. Под вечер, уставшие, приходили домой. «Ну, зачем нам, геофизикам, это все нужно?», – рассуждали мы, оправдывая свое нежелание засесть за учебу ночью. Решили подготовить по два билета наугад и этим ограничиться. На экзамене я оказался последним. Успел незаметно полистать учебник. Слушая меня, экзаменатор стал прогуливать по аудитории и увидел в столах учебники и конспекты, которые оставили уже сдавшие экзамен. Дополнительные вопросы мне стали строгими и придирчивыми. Дело принимало нехороший оборот. Мне было предложено взять еще один билет. Беру и... – о радость! Это оказался билет, который я подготовил накануне вечером! Экзаменатор даже заглянул потом в мой стол, хотя всё это время я был в поле его зрения. Повезло!

Из письма родителям *Гали Ильиной*:

02.06.54. Дорогая мамочка! Папа тебе, наверное, писал, как я сдала сессию. Не блестяще, хотя занималась много. Светка (Колеснева) сдала всё на пять, Лена (Шулешкина) получила 4 по петрографии, Ирка (Фиделли) сдала тоже всё на пять, но у неё 4 за курсовую работу, поэтому повышенной стипендии у нее нет. Борька (Журавлев) сдал все на 4 (политэкономии пересдавал с двойки), Сашка (Архипов) – круглый отличник.

Ну, теперь о петрографии. Я вообще-то прилично знала, но дрожала совершенно дико, буквально слова забывала (се-рицит, например). У меня был вопрос «региональный метаморфизм основных и ультраосновных пород» (я его знала), а потом он (В.С.Коптев-Дворников) начал гонять по метаморфизму – то региональный, то контактовый, то вообще о роговиках, то о ряде глинистых осадков, ну, а я настолько не знала (трудно было сообразить, в каком месте тетради с конспектом лекций, нахожусь. Он сказал, что у меня нет связи с химизмом, кроме того, по первому вопросу (нефелиновые сиениты) забыла их происхождение (сказала только одну гипотезу), хотя вообще о них «рассказала хорошо» (и полезные ископаемые, и условия залегания). В результате он долго думал и сказал, что у меня троечный ответ, но зачётку не отдал (у него вообще такая манера). А потом к нему пошла наша аспирантка, которая у нас практически вела, вынесла наши зачётки, он поставил «хорошо» <...>. А политэкономия я знаю просто хорошо, но мне попался очень плохой билет в том смысле, что неясно поставлен вопрос (даже папа с этим согласился) и я стала отвечать не то, что надо было. 31-го мая сдавала зачет по физхимии, готовилась к нему, как к экзамену, но сдала хорошо... о своих дальнейших планах допишу потом, сейчас как раз иду на собрание нашей экспедиции (в 2 часа).

Дописываю. Уедем мы около 15 числа. Но сейчас работать нужно каждый день с 9 до 6 часов, ну, иногда можно отпроситься и пораньше... <...> получать мы будем 600 руб. И 80% полевых (вернее, уже получаем, так как с 1-го июня мы уже зачислены на работу). Ну, кончаю, иду провожать наших ребят, едущих работать в Горный Алтай (ты никого из них не знаешь). Целую крепко-крепко. Галка.

Три воспоминания о самых страшных экзаменах *Лоры Шендерей*: Шел экзамен по марксизму-ленинизму. Я взяла билет, поняла, что могу на него ответить, немного подготовилась и пошла отвечать. Экзамен принимала колоритная женщина: помните, на лекциях она называла нас «талмудистами» и «начетчиками» и носила вечнозеленое платье? Я отвечала, сидя напротив нее за столом. Поднять на неё глаза я не могла –

боялась, что окаменею. И не только в переносном смысле. Видимо, я отвечала неплохо, потому что в конце она сказала, что, пожалуй, задаст мне еще один дополнительный вопрос. Так вот, когда я стояла перед дверью аудитории, собираясь пройти и взять билет, кто-то или по моей просьбе, или по своей инициативе поднес к моим глазам раскрытую книгу. Это была одна из двух красных книг: «Вопросы ленинизма» или «Основы ленинизма» Сталина. Текст был на полстранички. Это были какие-то пункты -- то ли выводы, то ли закономерности. Их было пять. Я не то, чтобы запомнила их (время измерялось секундами), а как-то сфотографировала их глазами. И именно об этом спросила меня экзаменаторша. Мой ответ отлетел, как «от зубов». Она радостно изумилась и поставила пятёрку.

К экзамену по геологии Союза мы готовились вместе с Яной Перьковой у нас в общежитии. Когда «дошли до точки», решили пойти к Юре Бурлину (он был сталинским стипендиатом) и спросить, можно ли сдать экзамен по геологии Союза без шпаргалок. На наш вопрос он произнес несколько междометий, которые мы расценили, как отрицательный ответ, И, выйдя от него, помнится, заплакали. На экзамене мне вышло идти к Евгению Евгеньевичу Милановскому (Жень-Жень). Аспиранту!!! Мы сидели с ним в углу на стульях – стола перед нами не было. На стене от пола до потолка висела карта. Пока я довольно бойко отвечала по билету, Евгений Евгеньевич скучал: вертелся, зевал, почёсывался. Когда я сказала, что закончила, он мгновенно взбодрился. Мы пересели на пол лицом к карте. Он взял указку, стал ею вполне произвольно тыкать по карте, и я описывала стратиграфический разрез указанного пункта. Один, другой, третий... не помню, сколько. Мы оба устали, и я почти вслух подумала: «попробуй не поставить мне пятёрку!» Получила свои пять баллов и вышла. Это был последний экзамен сессии. После него я долгое время могла читать только надписи под рисунками в «Крокодиле» (подряд не более двух надписей), а юмор самих рисунков усвоить не могла. Но всю последующую геологическую жизнь я питалась знаниями, которые были добыты тогда.

Экзамен по ботанике принимал Лев Мельсихидекович Кречетович и Николай Николаевич (фамилию забыла!). Билеты мы брали вместе с Мишей Ломизе. И вместе сели готовиться. Ясно, что каждый хотел пойти отвечать к профессору. Мы с Мишей немножко поторговались, и мне пришлось идти к Николаю Николаевичу. Это был настолько суровый человек, что Леночка Жукова, когда будила утром на коллоквиум по ботанике, его именем пугала меня. Вопросы в билетах были расписаны очень интересно: перечислены только имена существительные через точку. Сами билеты были большими. Если эти имена существительные связать глаголами и немножко украсить невербальными приемами – получится вполне приличный ответ. Я взяла билет. В голове крутилось только: «Мой покойный учитель Голенкин» и «Мой покойный учитель Горожанкин». Потом я сосредоточилась и поняла, что могу очень хорошо ответить на первые два вопроса. Но третий!?! Отвечаю я Николаю Николаевичу и краем правого глаза вижу и краем правого уха слышу, как отвечает Миша профессору Кречетовичу. Он не просто отвечает, а как бы страстно вдальбливает свои познания слушателю. Лев Мельсихидекович радостно взволнован. И вот он встает, жмёт Мише руку и говорит, что он необыкновенно рад и счастлив услышать такой прекрасный ответ, и не хочет ли Миша перейти учиться на биофак. Миша, конечно, взволнован и отвечает что-то неопределённое: понятно, что он хочет и получить приличную оценку и остаться на Геолфаке... А на моем фронте события развивались так: на первые два вопроса я ответила, видимо, очень хорошо. В третьем вопросе были вперемежку перечислены различные плоды, и нужно было, называя каждый объект, сказать, какой из этих плодов – ягода. Конечно, когда я готовилась к экзаменам, эта тема была передо мною. Но мне все это показалось не заслуживающим внимания и я просто обошла ее. И вот представьте, я называю каждый фрукт или овощ и точно даю ему определение. Попадаю просто в десятку! Среди прочих был указан и арбуз. И его я назвала правильно! И вот Николай Николаевич тоже встает и говорит, что Льва Мельсихидековича только что порадовал отвечающий студент, и вот я тоже порадовала его своим ответом. И жмет

мне руку. Выйдя из аудитории я забыла, куда я отнесла арбуз – к ягодам или другим плодам. И потом этого не вспомнила. Так и прожила жизнь».

Л.М.Кречетович пригласил меня отвечать (вспоминает *Маша Роев*). Я бодро начала излагать материал, не поднимая головы. И вдруг почувствовала какую-то подозрительную тишину. Подняла голову и увидела..., что уважаемый профессор мирно дремлет. Что делать? Невдалеке другой преподаватель слушает своего студента. Если замолчу, он непременно обратит на это внимание. Надо говорить. Говорить я, правда, не стала, а начала просто бубнить. Надо вам сказать, что это занятие было очень утомительным. Немного отдохнув, он открыл глаза и сказал: «Разрешите поблагодарить вас за прекрасный ответ! Можно я вас поцелую?» Какой вопрос!?

Воспоминания о зачётах и экзаменах, в отличие от «страшных» Лоры Шендерей у *Вали Мытарева* повеселее: – Предстоит зачёт по физхимии. Преподаватель Клавдия Васильевна Топчиева, дочь академика, в прошлом – заслуженный мастер спорта по волейболу. Старший товарищ в лице Виктора Пятницкого советовал нам для успешной сдачи надевать какой-нибудь спортивный значок. Нашли мы значок 1-го разряда, и, по очереди цепляя его, выходили к доске отвечать. К.В. меня спрашивает: «По какому виду спорта у Вас 1-й разряд?» – «По футболу – гордо отвечаю я, хотя это было неправдой, и добавляю – но волейбол я тоже люблю». Зачёт был сдан.

На зачёте (кажется, по марксизму-ленинизму) суровый преподаватель (не помню его фамилии) поставил двойки всем нашим юношам за редкое посещение семинаров. На повторную сдачу пришли также студенты других факультетов и несколько преподавателей с экономического факультета, в том числе и наш «злой гений». Естественно, к нему старались не попасть. Удача улыбнулась мне в лице симпатичной пожилой женщины. Из беседы с ней выяснилось, что я играю в футбол с Костей Левыкиным, её родным сыном. Поговорили о нём, и больше вопросов не было.

Госэкзамен по политэкономии моя тогдашняя супруга сдавала на день раньше меня. Я попросил по возможности отметить билет, что и было сделано. Взял отмеченный билет и слышу: «Молодой человек! А кем Вам приходится Мытарева Алла, которая вчера сдавала экзамен?» Сердце – в пятки! Отвечаю: «Это моя жена» – «Надо же, какое совпадение!» – произнёс экзаменатор. Но, слава богу, этим всё и закончилось.

Вспоминает *Рем Рожков*: Лекция. Сидим с Сэмом (Сашка Рожин) на верхних рядах. Скучота... Как бы смыться, а рядом Супрунов (комсорг) и Шендерей (староста). Бдят... Переходим на 1-й ряд. Сидим тихо. И «вдруг» начинаем по очереди икать. Звук в тишине четкий. Лектор сначала удивляется, а потом просит нас выйти. Это нам и надо.

А вот лекции по полезным ископаемым посещали с удовольствием. Читал их проф. Ермаков. Он перед собой клал коробку папирос «Казбек», угощал ими и нас, и мы, дымя, слушали его рассказы.

Запомнился случай на занятиях элегантнейшего проф. Г.С.Золотарева. Мужской состав нашей группы: Хасанов, Маслаков, Рожков, Рожин пришли на его лекцию в тельняшках (ведь мы гидрогеологи!). Однако были неправильно поняты... Женский же состав группы, в лице Иры Фиделли, надеть тельняшку отказался.

Чудили, как могли. Бедные преподаватели! Сколько они от нас натерпелись.

Первую сессию, сам не знаю как, я сдал на повышенную стипендию, чем немало удивил окружающих. Ну а дальше поразному. Логарифмическую линейку мы с Сэмом сдавали при помощи сложения и умножения на бумажке столбиком. Освоить её для нас было выше умственных способностей. Опозорился на минералогии, где на вопрос проф. Смольянинова: «Как используется флюорит?» – отчебучил: «Как удобрение!» Муки были с Коптевым-Дворниковым – пару раз он нас выгнал. Пересдали Е.А. Кузнецову (милейший дядька). Очень непросто было с кристаллографией: никак не могли осилить оси и грани. Спасибо Аркаше Ицкову – он так подделывал подпись преподавателя Г.М.Попова, что многие ему благодарны. Труд-

но было с А.А. Богдановым, легко с В.В. Белоусовым, О.К. Ланге, Силиным-Бекчуриным. А вот Наталью Петровну Костенко я привёл в восторг, когда на второй вопрос билета о вулканах подsunул ей рисунок пикообразной горы с дымком на вершине. Сказать я ничего не мог, но зато вышел с четвёркой.

Самые наилучшие воспоминания связаны с палеонтологией позвоночных. Сдавали мы экзамены в Институте палеонтологии АН Ю.А. Орлову, сидя в его кабинете в мягких креслах. Всех ископаемых он ласково называл зверюгами и всем ставил пятёрки – замечательный, добрейший человек. Сколько раз он нас угощал на вечерах и безвозмездно ссужал деньгами.

«Не могу забыть (*Наташа Семенова*) экзамена по палеонтологии, где Галя Рошкован на вопрос, кто такой иноцерамус, бодро ответила: «Это такой маленький, черненький».

Маша Поер тоже не может забыть палеонтологии. "Хочется вспомнить блестящего учёного и педагога Юрия Александровича Орлова. Знание палеонтологии, которое он вложил в наши головы, сохранилось на всю жизнь, хоть я занималась только докембрием, где, как известно, "звери" (его выражение) не водились. Экзамены Ю.А. принимал в Палеонтологическом музее. По установленной им традиции студентов сначала поили чаем с ватрушками, а уж потом они должны были предстать пред его "грозные" очи. Каждого входящего в кабинет на экзамен он спрашивал: "Чай пили?" и только после утвердительного ответа допускал брать билет. Действительно, какой спрос с голодного студента? Была и еще одна традиция куда менее приятная. Если Ю.А. выводил студента в музей, значит пара ему обеспечена. Настала моя очередь. Взяла билет, стала сразу отвечать. Не прерывает, вопросов не задает. Вроде всё нормально. Кончила и тут он говорит: "Пойдёмте в музей!" Ноги враз стали ватными, поплелась к двери. А у двери со стороны музея стоит вся группа. Увидели меня и тоже остолбенели. Кто-то прошептал: "Машку вывел!" А Ю.А. спрашивает притихшую группу: "Знаете эту девушку?" Они подумали и признали. – "Так вот. Я беру её прямо сейчас со II курса к себе в аспирантуру!" Ну, в пору в обморок грохнуться!

Позже, когда я уже работала в МГУ, Ю.А. как-то вывесил огромный стенд, где в подробностях были изображены последовательные стадии развития человеческого эмбриона в утробе матери. Партком посчитал это неприличным и требовал снять, но Ю.А., конечно, этого не сделал."

Из баек Вали Мытарева:

II курс. Занятия по английскому языку. Ирина Щ. читает «незнакомую» фамилию: «Пискин...» – Смех. «Пашкин» – Хохот. Наконец, радостно: «Пушкин!»

Ира Щербакоева по телефону из Америки радостно сообщила, что такая история точно случилась и точно на английском, но не с ней, а с Олегом Борисовым.

V курс. Андрей Брилинг пришел сдавать какую-то работу, не заметив, что на титульном листе написано: «Курсовая работа студента Ивана Карякина». Он же -- в глубоком раздумье: профессор Орнатский предлагает место в аспирантуре, для чего Андрей должен написать реферат. Проблема в том, что Орнатский просит написать «коротенько, страниц на 30», а у Брилинга весь дипломный проект занимает 25 страниц с приложениями.

Маша Поер: «В нашей 1-й группе геохимиков учился посланец Узбекистана Пулат Ташходжаев, по кличке Пуля. У него была серебряная медаль, однако знания его никак не соответствовали этой высокой награде. Скандал произошел на курсе зоологии, которую преподавал проректор проф. В.В. Захаров. Нам раздали зеленых раков, и каждый должен был разрезать своего рака вдоль пополам, одну половину целиком наклеить на картон, а вторую разобрать на всякие клешни, усы, ножки и тоже по отдельности наклеить. Пуля этого рака то ли потерял, то ли съел. Время подходило к сдаче препарированного рака, а рака не было. Тогда Пуля пошел в пивной бар, купил варёного рака, взял у кого-то из прилежных девочек готовую работу и быстренько распотрошил этого красного рака. На занятии, когда проректор предложил сдать работу, Пуля и преподнес ему своего вареного красного рака. Захаров побагровел, как тот злосчастный рак, и швырнул его прямо в

Пулю. Пуля ловко увернулся и под громopodobный рёв «Вон!» выскочил из аудитории».

Свете Колесневой вспоминаются некоторые смешные моменты из нашей студенческой жизни. Так, на зоологическом практикуме при изучении земноводных нам всем (нашей подгруппе) принесли большие металлические ванны с воском, огромные булавки с деревянными ручками и усыпленных лягушек. Мы успели их отпрепарировать, почти все зарисовать и вдруг лягушки стали просыпаться, срывать булавки и выпрыгивать на пол со вспоротыми брюхами. Поднялся визг и переполох (преподаватель в это время отсутствовал) и почти все, и в первую очередь, мальчишки от неожиданности оказались на столах.

Наша (*Гали Постниковой*) группа пришла сдавать зачет по технической петрографии Сергею Дмитриевичу Четверикову.

-- Зачетки на стол!

Сложили. Сидим смирно. Демонстрируем готовность отвечать, а сами надеемся -- может автоматом поставит. Берет верхнюю зачетку:

- Борисов. Так. Фотографии у него хорошие. Надо ему поставить. Зачет.

- Буданов. Говорят лыжник хороший. Зачет.

- Баранова. Вообще хорошая девочка. Зачет.

И так 9 зачетов вроде бы за что-то, но не имеющее отношения к петрографии. И последняя зачетка, просто последняя в кучке:

- Мигдисов. Где Мигдисов? А с вами мы поговорим!

И Сергей Дмитриевич «говорил» с ним 7 (семь) раз! И только теперь, когда прошло уже полвека, я понимаю, как Арегу повезло!

ЖИЗНЬ В ОБЩЕЖИТИЯХ

НАША 516-я на СТРОМЫНКЕ, 32

В конце августа 1951г. мы с Лилей Булатовой, еще неспособные осознать, как нам невероятно повезло в нашей так счастливо начинающейся студенческой жизни, переступили порог 516-й комнаты на четвертом этаже Стромынского общежития. Мы, видимо, оказались последними, кому предстояло поселиться тут – все кровати по углам и по стеночкам были уже заняты,-- нам достались торцами к окнам, что нас, честно говоря, нисколько не огорчило. Да нас вообще не могло ничто огорчить тогда! Мы находились в полной эйфории на пороге нового этапа нашей жизни, где было необычно и удивительно всё: мы в Москве, в МГУ, впервые будем жить не дома, а в общежитии (мы не очень-то представляли себе, что это такое), новые будущие друзья, новые заботы и беспечная юность вселяла уверенность в то, что всё будет необыкновенно и прекрасно. И самое удивительное – так это и было! Нам предстояли лучшие пять лет нашей жизни! Свершилась мечта: мы -- в МГУ!

В нашей 516-й комнате «нас было восемь». Лида Сорокина из Феодосии, Галя Дидоренко из Усть-Каменогорска, Лора Шендерей из маленького райцентра Навля Брянской области, мы с Лилей Булатовой из Ташкента (из одного класса нашей дорогой 44-й школы, которой, к нашему горю, больше не существует -- на её месте после землетрясения 1966 года построили магазин «Детский мир»), Леночка Жукова, девочка из детского дома г. Дзауджикау (позже г. Орджоникидзе, теперь Владикавказ, столица Северной Осетии), Аля Землякова из Сызрани и Зоя Соболева из деревни Барминка Тульской (позже – Московской) области. Деревни уже давно нет и в помине, а в свои школьные годы Зоя оттуда каждое утро в зимней темноте в весеннюю и осеннюю распутицу одна ходила через лес и ржаное поле 7 километров в село, где находилась ближайшая школа!

Позже, уже после начала учебного года, к нам подсе­лили девятую однокурсницу, приехавшую из ГДР Крису Титтель. Она, правда, проучилась и прожила с нами недол­го и уехала обратно в Германию, в свой город Фрайбург.

Так и стали мы жить-поживать дружной семьей, как говорилось в широко известной в те времена песне: «По­знакомила нас, подружила...» наша Стромынка и уже наша Москва. Мы, и правда, жили дружно, по-семейному, помо­гая, чем могли, друг другу, много времени проводили вме­сте. За два года, прожитые на Стромынке, у нас не было ни­каких конфликтов, свойственных, как утверждают некото­рые, женским коллективам. Наоборот, только дружелюбие, взаимопомощь, открытая сердечность. Может быть, это еще одно везение?

Оптимизм наш не знал границ. Бытовые сложности нас не пугали и даже не считались таковыми. Обществен­ный санузел в коридоре, с открытыми туалетными кабинка­ми и умывальниками с холодной водой (в общей кухне, правда, стоял титан с кипятком) – это было прогрессом по сравнению с «удобствами во дворе», к которым все мы привыкли дома, -- даром, что съехались со всех концов страны. Мыться ходили в баню, что в те годы отнюдь не было признаком престижного времяпрепровождения, как сегодня.

В стромынской студенческой столовой брали, как пра­вило, самые дешевые комплексные обеды (на столах, од­нако, были бесплатные хлеб и солёные помидоры – спасе­ние в безденежные дни). К концу месяца собирали по всем карманам последние копейки в одну кучу, иногда сдавали букинистам какие-то книги, в том числе уже «пройденные» учебники, покупали картошку, варили полную кастрюлю, в лучшие дни сдабривали ее майонезом – получалось объе­дение! Вскоре перешли на питание коммуналь, и нормаль­ные ужины стали регулярными с дежурствами по очереди.

Окунулась в воспоминания о Стромынке, и, как яркие вспышки побежали перед глазами незабываемые эпизоды,

наверное, невысказанные где-нибудь и когда-нибудь еще, драгоценные осколки памяти...

Вот некоторые из них.

Мы все сидим на своих кроватях и, используя переданный нам Леночкой детдомовский опыт, старательно распушаем руками слежавшуюся вату в плоских и жестких казенных подушках – получилось очень даже ничего, мягко и воздушно!

В 6 часов утра просыпаемся от мощных аккордов «Венгерской рапсодии» Листа или «Итальянского капричио» Чайковского – это сама собой включилась музыка старенького проигрывателя, нивесть откуда взявшегося в нашей комнате -- дело в том, что в час ночи в комнатах общежития отключался свет и пластинка замолкала на середине, чтобы утром сыграть роль нестандартного будильника. Кстати, совсем недавно слышала по радио беседу новомодного психолога, который давал советы, как бороться с весенней депрессией и упадком сил. Он предлагал, в частности, вместо будильника использовать звуковоспроизводящее устройство с таймером и с вечера ставить на время просыпания бодрящую музыку. Так что мы обогнали время.

Как у истинно счастливых людей, никаких часов у нас не было. Помню, бывало, зимой рано утром, в темноте (казалось, еще глухая ночь) кто-то из нас (чаще всего Лиля) в ночной рубашке, как привидение, лезет на подоконник, чтобы в правом верхнем углу окна, покрытого ледяными морозными узорами, через оставшийся не замерзшим уголок увидеть уличные часы на столбе. Все притихли и ждут... «Ура! Уже больше 8 часов!» Можно поспать ещё, так как все равно опоздали к первой паре.

25 декабря, в день католического рождества, Криста спросила, не будем ли мы возражать, если она пригласит своих земляков-немцев с других факультетов. Ей мама прислала посылку с какими-то сладостями и маленьким розовым сахарным рождественским поросенком. Мы не возражали. Вечером пришли гости. Каждый со своим кулёчком

и банкой варенья (складчина, нам это понятно). Мы любили, когда к нам приходили гости. Гости каждого были гостями нашего дома. В этот раз нам была отведена роль зрителя: кто-то ушел заниматься в коридор, остальные сидели на своих кроватях, пытаясь читать учебники. Гости болтали между собой по-немецки, пили чай, потом пели, положив руки на плечи друг другу и раскачиваясь из стороны в сторону. Праздник их длился очень долго. Потом каждый сложил в свой кулёчек остатки того, что принёс с собой, гости забрали свои баночки и разошлись. Мы были в шоке от первого знакомства с европейским индивидуализмом.

Стромынский Новый год!. До самого Нового года продолжалась наша первая зачётная сессия. На подготовку праздника времени не оставалось. Мы, правда, даже украсили небольшую ёлочку, поставив её на стол в чайнике с водой. Чайники были алюминиевые, но массивные. Однажды они даже были использованы в качестве оружия во внезапно вспыхнувшем в коридоре по неизвестной причине армяно-азербайджанском конфликте. Скорее всего вызвал этот конфликт избыток темперамента с обеих сторон, так как драка, как молниеносно вспыхнула, так и прекратилась, хотя успела, однако, собрать кучу участников.

Ах, какой Новогодний праздник подарила нам стромынская традиция! В эту ночь двери всех комнат были нараспашку. Надо помнить, что стромынское общежитие находилось в старинном здании бывших казарм петровских потешных полков и имело форму замкнутого квадрата с большим внутренним двором. В центре двора поставили большую украшенную ёлку. В кольцевых широких коридорах на всех четырёх этажах бурлило молодое веселье, гремела музыка, танцы, сплошное «броуновское движение» всей стромынской братии... двери нараспашку, заходи в любую комнату – все тебе рады, везде ты свой! И так до утра. Незабываемо!

Отдельная песня – стромынский клуб, истинный Дом Культуры, примостившийся в углу на первом этаже убогий

зал с низким потолком и скрипучими стульями, скрепленными деревянными жердями, и небольшое фойе, где по субботам были танцы, а на время сессии устраивался импровизированный читальный зал: на грубые деревянные козлы укладывали разнокалиберные фанерные афишные щиты – чудо! И кто поверит, что там был настоящий аванпост современной культурной жизни Москвы. Там не только регулярно крутили старые и новейшие фильмы. Кто только не приезжал с концертами! Давид Ойстрах, Лев Оборин, Мария Гринберг, Вера Дулова. Симфонические оркестры под управлением Небольсина, Вероники Дударовой... Какие замечательные устраивали музыкальные лекции-концерты, посвященные разным композиторам и исполнительскому мастерству – и с живой музыкой, и с проигрывателем. Хачатурян привозил сцены из нового балета «Спартак» и из балета «Гаянэ». Перед нами пели Лемешев, Огневцев, Павел Лисициан, Георгий Нэлепп, Мария Максакова. Выступали чтецы и актеры МХАТ'а, Малого театра, Вахтанговского. Как хорош был Игорь Ильинский с рассказами «Злоумышленник» и «Переборщик»!

Это только малая часть, навскидку, что вспомнилось.

К сожалению, не помню ни имени, ни фамилии директора этого клуба. Как удалось этому пожилому невысокому, кругленькому, лысоватому человеку заманивать в этот неприспособленный зал на окраине Москвы (да, тогда это была почти окраина) лучших исполнителей того времени? А как важно это для приобщения к высокой культуре молодых людей, съехавшихся из разных уголков нашей действительно необъятной тогда Родины! И пустым этот зал не бывал никогда. Глубокий поклон памяти его директора.

Перед майскими праздниками у нас заболела Зоя. Да не как-нибудь, а то ли скарлатиной, то ли дифтеритом. В общем, положили ее в детскую инфекционную больницу на Соколиной горе. Мы по очереди навещали ее там, стараясь порадовать чем-нибудь вкусненьким. Первого мая сразу с демонстрации мы все отправились к Зое. Долго и весело

переговаривались с ней через открытое окно палаты на третьем этаже, когда выяснилось, что все мы умираем от голода, Зоя обрадованно заявила, что ввиду полного отсутствия аппетита все наши приношения она складывала в тумбочку и сейчас нас от души накормит. Сказано – сделано. В авоське на верёвочке она спустила нам всё, что мы до этого дня так усердно ей таскали и мы расположились на брёвнах под окнами инфекционного отделения, с аппетитом слопали всё, и никакая зараза к нам не пристала.

У нашей Али был очень красивый голос, мы любили её слушать вечерами, когда собирались все вместе. Голос её вначале звучал тихо, а потом набирал силу, и она сама преображалась -- лицо её светилось какой-то отрешённостью и нездешним присутствием, и мы вместе с ней были далеко от зимней казённой, хотя и ставшей уже родной, комнаты... В её репертуаре было много романсов и арий из оперетт. Когда же она пела: «Люблю поесть, ты это знаешь... Ах, как едят у короля!», это неизменно находило в нас живой отклик и спускало на грешную землю – значит, пора заняться ужином.

Очень любили мы, когда кому-нибудь приходила посылка, - тогда бывал всеобщий праздник живота с географической спецификой. Лиле слали сухофрукты, Лиде Сорокиной – виноград и другие крымские фрукты в большом количестве, мне мама пекла чак-чак и мазурки, Лора привозила после зимних каникул домашнюю колбасу, ароматное сало и сольтисон (к ее приезду обычно резали поросёнка), Зоя привозила из деревни ржаные сдобные лепёшки с салом, очень вкусные. Так что бывал и на нашей улице праздник!

Можно без конца вспоминать эпизоды счастливого начала нашей московской университетской жизни.

Спасибо МГУ и Стромынке за то, что они были в нашей жизни и остались навсегда в нашей памяти!

В.Баранова

КОМНАТА РЕБЯТ НА СТРОМЫНКЕ

Первое, что мне очень понравилось в МГУ – это замечательное студенческое братство в общежитии на Стромынке. В нашей комнате нас было 16 человек, и за все пребывание в этой «запорожской» сечи между нами не было никаких раздоров. Руководил всем кубриком мой друг – отставной боцман Тихоокеанского флота, интеллигентнейший, нордического типа и, говорят, княжеского рода Олег Борисов.

В.Буданов

ВЕШНЯКИ

Наверное, не все на нашем курсе знали, что, кроме общежития на Стромынке, существовало ещё и совсем маленькое – в Вешнях. Это была комната в рубленом доме, заставленная кроватями и тумбочками, с одним большим столом посередине. Нас жило там 8–9 человек: два четверокурсника, Игорь Николаев, Леня Пикулевич, Гена Таджибаев, я и ещё двое -- их на первом же курсе перевели на химфак. Совсем немного с нами был Юра Карманов, погибший, переходя полотно железной дороги.

К старшекурсникам мы относились уважительно, и они служили нам примером. Борис Янин, просматривая мою курсовую, делал насмешливые замечания. Мне было обидно, но я научился понимать, как это полезно. С ним мы выбегали утром на зарядку, купались в озерке, даже весной, когда лёд еще не растаял.

Гена дома носил свою национальную одежду, такой стёганый халат, и когда он его надевал, то становился ещё более серьезным, чем обычно, и смотрел свысока на наше ребячество.

Лёня Пикулевич мало проводил времени с нами. Когда бывал, разговаривал, слегка посмеиваясь. В нём чувствовалась уверенность, позволяющая свободно шутить.

Сейчас рядом с Вешняками – станция метро, а тогда – расстились поля, зеленели перелески, наверное, как во времена графа Шереметьева, прекрасная усадьба которого сохранилась и ныне.

С.Снеговской

В ОБЩЕЖИТИИ НОВОГО ЗДАНИЯ

С открытием Нового здания МГУ в 1953г. все наши жители Стромьнки и других мест вроде Вешняков получили места в его общежитиях.

Общежитие было совершенно немыслимое для тогдашней Москвы. Оно состояло из «блоков» по две комнаты в 8м^2 с общей прихожей, душевой и туалетом; несколько блоков имели по одной комнате до 14м^2 , а один коридор (который до сих пор называют аспирантским) имел блоки чуть ли не с 16-и метровыми комнатами. И каждая комната предназначалась одному человеку! Это в Москве, где после войны в коммунальных квартирах существовали комнаты, населенные так, что на живую душу приходилось меньше 1 м^2 ! Конечно, прежде всего пошли слухи о разврате в общежитии. Мы над этими сплетнями только смеялись.

На каждые два этажа приходилась одна двухсветная гостиная, устланная коврами, с креслами, столами (включая шахматные столики) и даже с пианино. В гостиной занимался факультетский хор под руководством студентки, а потом выпускницы консерватории Лили Тевзадзе. Устраивали в гостиной и танцы.

Мест в новом общежитии было столько, что досталось даже некоторым москвичам – тем у кого совсем не было никакого жилья или приходилось менее 3-х кв.м. на человека. При этом первый учебный год девушкам предоставили комнаты в «зонах Б» и примыкающих к ней «Г» и «Е», а ребятам, соответственно, в «В» и примыкавшим к ней. Около лифта стоял столик-пульт и стул, там сидел дежурный, в обязанности которого входило снимать телефонную трубку и вызывать звонком того, кому звонили, следить, кто при-

шел, забирать у гостей пропуска. В 11 часов дежурный с пропусками обходил комнаты и просил гостей покинуть общежитие.

Авторы этих строк Муза и Нина были друзьями по несчастью, так как квартирный вопрос остро стоял у обеих. Им достались комнаты в одном блоке. Блок располагался на 11 этаже рядом с «показательным» – оставленным без жильцов для посещения экскурсий. Экскурсоводы приспособились заводить группы иностранцев в наш блок. Им нравилось упоминать о пролетарском происхождении Нины: её мама работала уборщицей.

Однажды Муза заболела и оказалась в больнице, а на её место временно без соответствующих прав поселилась Зоя Кривошеева. Как-то ночью всех девушек перебудили – проверяли, нет ли в комнате посторонних. Заглядывали и под кровати, и в шкафы. Нам, в отличие от московских сплетников, и в голову не приходило, что проверяют, нет ли мужчин -- думали, боятся нарушения паспортного режима. Поэтому то обстоятельство, что не догадались проверить паспорта хозяйки, показалось великим везением.

Девочки, конечно, рассказали о ночной проверке ребятам. Что было дальше, Муза уже в больнице услышала от ребят. Когда первого из ребят разбудили среди ночи проверкой, он, в соответствии с уговором, потихоньку оделся и стал ждать за дверью с одеялом. То же сделал второй, третий, четвертый. Когда народу набралось достаточно, все одеяла накинули на коменданта и спустили его по лестнице в гостиную с пятого этажа на четвертый. По слухам, когда комендант пришел жаловаться ректору (И.Г.Петровскому), тот, выяснив причину такой расправы, накричал на него и потребовал, «чтобы ноги вашей здесь не было!». Связано ли это с описанными приключениями или нет, но уже в следующий учебный год селили не «по половому признаку», а по факультетам. Геологи получили несколько этажей в зоне «В»: на одних – ребята, на других – девчата. В 1956г. Музу

поселили даже в один блок с женщиной, аспирантом с чужого факультета.

К 1956г. этого общежития стало уже не хватать. Селили только старшекурсников, причем по двое в аспирантских комнатах, но еще по одному в студенческих. А в 1957г. первокурсников селили уже по двое в студенческих – появились раскладушки. Для младших строили новое общежитие, не такое богатое.

Той дружбы, что на Стромынке, у новых жителей общежития не завязалось, но жили тоже дружно. По картам и книгам старшекурсников готовились к экзаменам. Читали как-то несколько ночей «Туманность Андромеды» по авторской рукописи, передавая листы друг другу. Дал рукопись сын Ефремова Алан – он учился тремя курсами моложе. Книга вышла в свет еще нескоро и в усеченном виде.

М.Раменская, Н.Смирнова

Переход в Новое здание МГУ на Ленинских (Воробьевых) горах был потрясающим событием для меня (*Мила Ким*), жившей в очень стесненных жилищных условиях: Золушка оказалась во Дворце! Я поселилась в одном блоке со Светой Ожигановой. В первые дни Главный корпус был прекрасно иллюминирован и мы со Светой бегали по этажам, восклицая: «Как красиво, как прекрасно!». Университетское общежитие в то время, когда город только начинал застраиваться после войны массовым жильём, выглядело музеем для многих москвичей, в том числе и для многих моих родственников и знакомых. Бывало, что приходила подруга, приводила своих одноклассников, которые поражались организацией быта наших студентов. Например, общепитовским сектором, в магазинах которого нам предлагался очищенный автоматом картофель – утопическая акция, осуществлявшаяся только первое время. Более кого – (вспоминает *Зоя Кривошеева*) на столах были крахмальные скатерти и приборы для соли, перца, горчицы в форме

стеклянного МГУ, а ложки-вилки были тяжёлые – из мельхиора. Продержалось это великолепие пару месяцев.

Мне – *Нонне Наливкиной* -- дали место в общежитии: не надо было рано вставать, бежать на электричку. В общежитии – все свои, часто собирались за чашкой чая, вспоминали смешные истории. В общем, жизнь была прекрасна и удивительна. Однажды мы с Ирой Никандровой встретились после занятий в лифте, поехали в общежитие на свой этаж. Идём по коридору, в общежитии – никого. Вдруг видим: у Милы Ким (Кимули) открыта дверь. Мы с радостью влетаем в комнату, но там – никого. На диване разбросаны вещи, сумки портфели, книги, какие-то документы. Недолго думая, мы все вещи собрали, затолкали под диван и со смехом ушли к Ире. Сидим, пьём чай. Вдруг кто-то вбегает и кричит: «Что вы сидите! Милку обокрали, приехала милиция!» Мы в шоке! Пошли к милиции. Признались, что мы так подшутили, вытащили из-под дивана всё, что туда затолкали. Милиционеры пожурили нас, посмеялись и ушли, но не забыли зайти в деканат. На следующий день нас вызвали в деканат, отругали и предупредили. Но главное, на наши отношения с Кимулей этот поступок не повлиял – мы до сих пор дружим.

Университет первые годы был местом, которое показывали приезжим, как самую большую достопримечательность. Кого только не водили!

Миша Гончаров вспоминает о таком случае, бывшем с Мишей Волобуевым.

В СССР приехал Мао Цзе-дун. Он посетил и Университет. Его провели через самый главный вход. У Мао был ритуал – он подходил ко всем встреченным им людям, здоровался с ними за руку и спрашивал (через переводчика) о здоровье и делах. И на его пути оказался Михаил. Состоялась соответствующая китайская церемония. Но на этом

история не закончилась. В те времена у нас учились китайские студенты, которых расселяли в двухкомнатных блоках («мини-квартирах») таким образом, чтобы в одной комнате был китаец, а в другой – достаточно благонадежный советский товарищ. И вот таким товарищем как раз и был тогда Михаил. Он имел неосторожность поведать своему соседу-китайцу о встрече с «великим кормчим». Что тут началось! В его комнату валом повалили все китайские студенты, оповещенные о столь великом событии. Они требовали подробного рассказа о встрече с Председателем: с какой стороны он шел, как пожимал руку, о чем спрашивал и т. п. И бедный Михаил уже не чаял, как ему от них отделаться, рассказывая без конца одну и ту же историю.

ОБЩЕСТВЕННАЯ РАБОТА

КОМСОМОЛ

Комсомол был в наше время существенной частью молодежной жизни. Им руководила партия и секретарем комсомольской организации факультета был, как правило, член партии.

Вспоминает *Миша Гончаров*: «Тихон Тарасенко ко времени нашей учебы был уже членом ВКП(б), впоследствии КПСС, был активным комсомольским вожаком и в таком качестве стал секретарем комсомольской организации Геологического факультета. Интересно, что в то же время и в аналогичном ранге состоял будущий Генеральный секретарь КПСС и будущий президент СССР Михаил Горбачев, только на Юридическом факультете. Секретарем комсомола всего МГУ тогда был будущий председатель Верховного Совета СССР Анатолий Лукьянов. И вот уже тогда Тихон Тарасенко бросал примерно такие фразы: «Этот Мишка Горбачев все время выступает (имеется в виду – в Комитете комсомола МГУ) с какими-то сомнительными инициати-

вами». Как в воду глядел, предвидя будущую «перестройку» и все ее последствия».

Хотя партия во все глаза присматривала за комсомолом по отработанной схеме, были и случаи своеволия. За год до окончания было у нас одно памятное комсомольское собрание под названием «Завтра в трудный путь».

Есть специальности, связанные с повышенной опасностью для жизни. Геология – одна из них. На нашем втором курсе (вспоминает *Муза Раменская*) мы были потрясены гибелью 8 студентов старших курсов: разбился самолет. Летом 1955г. на нашем и Географическом факультетах погибло три человека непосредственно в партиях. По этому поводу в «Комсомольской правде» от 23 декабря была большая статья «Завтра в трудный путь», подписанная нашими выпускниками, в том числе Мишей Семихатовым, ныне академиком. Среди погибших была Владя Богатова, которая на III курсе водила нас, первокурсников, в подмосковные походы. Ее товарищ в этом деле Виля Буш не успел ее спасти. Под Владей споткнулась лошадь при переходе через бурную горную реку и её понесло течением. Другая девушка погибла в одиночном маршруте – провалилась под лед с тяжелым рюкзаком и не смогла выбраться. Третий замерз тоже в одиночном маршруте.

Авторы публикации требовали организовать на эту тему комсомольское собрание. Обсудить наши учебные программы, которые не учат технике безопасности, обращению с лошадьми, умению водить машины, пользоваться рацией, плавать, и т.п. Требовалось усилить организацию полевых работ и их оснащение. Авторы статьи потому и обратились в «Комсомольскую правду», что наша комсомольская организация в лице её секретаря Володи Кузьмина отказалась проводить такое собрание.

После публикации в газете уклониться напрямую стало невозможно. Тормозить стали исподтишка. Организацию собрания поручили Сане Строганову. Он посоветовался с

географами и совместно составили план. На собрание заранее пригласили министра геологии Антропова.

Подошел намеченный срок собрания. Саню посылают в командировку – он не едет. Тогда отложили собрание. И так – трижды. Наконец, Саня вынужден был уехать. Собрание тотчас же состоялось. Не помню, кто был назначен председателем, но его задача была сорвать собрание. Кроме трёх основных докладчиков, подготовленных нами и географами, ни одному выдвинутому курсом для выступления студентов слово дано не было. Выпускали только ребят с I и II курсов. А они пороли всякую наивную чушь.

Однако министра всё же задел основной доклад. Выступление свое он начал со слов: «Сегодня я у вас гость, завтра я – ваш хозяин!» Мы почувствовали в этом угрозу. Поднялся крик: «Хозяев прогнали в 17-м году!». После этого его плохо слушали, стоял шум. Но можно было уловить: «А если вы не будете уметь плавать, то утонете с самыми лучшими новыми спальными мешками».

Тут же нам досталось за то, что в выступлениях были глупости. Все же в постановлении собрания, подготовленном Саней и двумя факультетскими бюро, было много дельных вещей. Ничего из того, что зависело от министерств, выполнено не было, хотя министр что-то обещал.

Собрание это здорово охладило нашу веру в теплый ветер, которым повеяло после смерти Сталина.

Комсомольская организация могла вмешаться в то, как мы одеваемся, как ведем себя в личной жизни, хотя наше поколение уже начало сопротивляться такому контролю.

Вспоминает *Наташа Разенкова*. Идет комсомольское собрание нашей группы геохимиков. Это было еще в старом здании. Все шло по плану. Но в конце собрания наш комсорг строго взглянул на моё золотое кольцо на руке и сказал примерно так: «Носить кольцо – это пережиток прошлого, а тем, кто его носит не место в комсомоле». Боль-

шинство наших промолчало. Кто-то хихикнул; желаемого обсуждения не получилось. На следующий день на занятиях смотрю на руку Иры Щербаковой – у нее кольцо. Спросила её, почему она его надела. Отвечает - «Это протест против точки зрения комсорга и поддержка тебе». Потом и другие девочки стали носить кольца.

СТЕНГАЗЕТА

Ко второму курсу я (*Раменская*) стала сменным редактором стенгазеты. Сменных редакций образовалось три. При таком раскладе стало возможно выпускать газету раз в две недели. И мы догнали географов, у которых была лучшая стенгазета в МГУ. Вся тяжесть работы падала на сменного редактора и художника, которым был Адик Ицков. Один номер, первый на II курсе, выпускали Женя Голубев с Сашей Маслаковым.

АГИТПОХОДЫ

Была у нас такая форма общественной работы, как агитпоход. Мы читали лекции на политические и научные темы, готовили, как умели, художественную самодеятельность и со всем этим выступали обычно в колхозах ближнего Подмосковья.

В начале декабря наш курс ездил в такой агитпоход. Подготовили мы концерт самодеятельности, доклады на актуальные политические темы – и повезли нас в крытой экспедиционной машине в деревню Зарайского района.

Знали мы, что после войны многие живут еще очень плохо, но тут увидели такое! Нищая деревня, грязный клуб, электричества нет. Мы, как свет в окошке. Доклады наши, конечно, ни к чему, а вот концерт нужен был всем, ради него и доклады стерпели.

Снега еще не было, помню – мы шли по гололедице прямо через поля неубранной ржи, которую разглядывали через лед. Перепутанные стебли, не осыпавшиеся зерна, проросшие прямо в колосьях. Осень была дождливая, тя-

желые комбайны увязали в грязи и успели убрать мало. В одном этом колхозе 110 необработанных гектаров. «Ну, – сказал кто-то из колхозников, – председателю нагорело бы, но он в сводке послал всего 70 га».

В тот же вечер нас увезли в Москву. Мы заинтересовались об этом потом в газетах. Там уже с жалобными сообщениями сообщили о необработанном хлебе, кажется всего 50 га на весь район.

М.Раменская

Зоя Кривошеева была на нашем курсе культторгом и много что помнит о художественной самодеятельности в агитпоходах. Ехали мы в кузове машины, крытой брезентом, – вспоминает Зоя. Туда еще набрасывали соломы для тепла. Сидели прямо на полу или на деревянных досках.

Представление в клубе шло при единственной керосиновой лампе на сцене. «Зал» пребывал во мраке и был окутан дымом махорки. Зрители могли лузгать семечки, если таковые имелись. Всё это не мешало представлению.

В программу входило: художественное чтение (помню в этом качестве Борю Журавлева), чтение под аккордеон глав из «Василия Тёркина» Твардовского (Саша Шарыбкин), а на аккордеоне играл Рудик Шустов. Танцевальный ансамбль грунтоведов исполнял литовские и эстонские танцы (сама Зоя К. танцевала и руководила), Лида Сорокина танцевала «Яблочко» (соло), а Галя Ильина – Венгерский танец под музыку Брамса. На втором курсе мы уже танцевали тарантеллу.

Огромным успехом пользовался «Дачный муж» в исполнении Володи Савинченко и Геры Эпштейна.

Мы приезжали в колхоз вечером, а уезжали утром на следующий день. Ночь проводили в том же клубе, располагаясь, как придется. Одеты мы были в какие-то кацавейки, телогрейки, ушанки и платки и обязательно в байковые штаны. Всё это было нормой того времени. Ничто не мешало нам петь, смеяться без причины, возиться, как щенки, подставлять друг другу ножки, толкаться в снег, устраивать

«кучу мала». В результате таких шалостей Коля Короновский как-то улетел в глубоченный заснеженный овраг верхом на аккордеоне. Все так перепугались за целостность аккордеона! Однако всё обошлось.

САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В геологии, как профессии, случаются такие моменты, когда не запеть – невозможно. Петь мы стали с первого же нашего похода по Подмоскovie. И уже не замолкали. Пели в « полях » у костров, в электричках и поездах, на всяких вечеринках и вообще везде, где удавалось. Пели с голосом, без такового и даже без слуха.

Существовал факультетский хор, которым руководила всеми обожаемая Лиля Тевзадзе. Она была так красива, что только из удовольствия посмотреть, как она размахивает руками и указывает, когда дружно воспеть, а когда петь потише, подушевной, мальчики не пропускали занятий.

Члены лыжной секции, как они сами постановили, должны были петь в хоре в обязательном порядке. Коля Короновский умолял отпустить его из хора по причине отсутствия не только голоса, но и слуха. «Лучше я пробегу 18 км!» – канючил Коля, но всё было бесполезно. И он пел, как пели Тед Федоров, Миша Семихатов, Стасик Снеговской и многие, многие другие.

Существовал и женский курсовой ансамбль из 12 девочек. Помнится, туда входили: Зоя Пудовкина, Люда Ватутина, Катя Зацепина, Света Ожиганова, Мила Ким, Лена Власова, Эмма Пичий, Рита Шурыгина, Нина Козьмина, Нонна Наливкина, Таня Холмакова. Руководила Галя Ратникова. Мальчики прозвали его «То-ли луковички, то-ли репки», что не помешало ансамблю участвовать в различных смотрах и однажды даже занять первое место на межфакультетском смотре. На всю оставшуюся жизнь запомнились репетиции на «черной» лестнице еще в старом здании, полутемной и холодной (больше было негде) и энтузи-

азм при разучивании «Вейся, вейся, капуста» на все имеющиеся голоса.

У Эммы Пичий был изумительный голос! Я (Гая Постникова) помню, как однажды мы с Арсаном и Валей Мытаревым почти насильно дотащили её до какой-то двери в клубе на Моховой, где учили петь, впихнули туда и прикрыли. Но учиться петь по-настоящему она так и не стала.

Еще был у нас струнный факультетский ансамбль, куда принимали даже без слуха и всех учили. Там было много народа – Нина Смирнова, Валя Шорина, ребята-геофизики. Этот ансамбль часто сопровождал обладателей настоящих голосов: Эмме Пичий и Ире Островской (со старшего курса).

И, конечно, не забыть смотры художественной самодеятельности нашего факультета в клубе на Моховой, когда мы волновались больше, чем перед сессией! Первый смотр на первом курсе проходил в баскетбольном зале. Там был сам декан и вся учебная часть факультета во главе с Татьяной Степановной Балякиной. Сидели на подоконниках, каких-то приставных стульях и на полу. Когда Гера Эпштейн и Володя Савинченко давали «Дачного мужа» – Георгий Петрович Горшков так хохотал, что сполз со стула!

А наша танцевальная группа была одета от костюмерной «Сада Эрмитаж», где мы брали напрокат великолепные костюмы и для тарантеллы и для молдовенески, с чем мы и попали на межфакультетский смотр.

Были у нас и капустники – ну, как же без них? -- Вот стихи из такого капустника, написанные Игорем Галкиным, когда мы были на IV курсе:

В нашей памяти не скроет
Время всех прошедших лет,
Как чудесною порою
Мы пришли на факультет,
Как весь мир был полон света,
Как мы жадно ждали лета,

Красновидово и Крым,
Что «нам домом стал вторым».
Как мы звонко песни пели,
Как умнели, как умели
Не уча, сдавать... и вот
Наступил четвертый год.

И внезапно все пропало,
И ужасно тихо стало,
Лишь господствует одна
Гробовая тишина
И в стенах высоких Зданья,
Полный гордого сознания,
Что он все уже познал,
Курс четвертый засыпал.
подавив зевоту скуки,
Что-то шепчут про «науки»,
Мол, «затеи для детей»,
Ну, а нам не до затей.

Не до спорта, не до спора,
Не до смотра, не до хора.
В нашем возрасте подстать
Только опыт передать
Первокурсникам в наследство:
В них еще трепещет детство,
Жизнь им кажется порой
Увлекательной игрой.
Мы ж не дети, в самом деле,
Мы друг другу надоели,
И, на все махнув рукой,
Поспешили на «покой».

*Г.Постникова с помощью
Н.Козьминой, З.Кривошеевой, Э.Пичий, Г.Ратниковой*

СПОРТ

Мы были сильные и здоровые, и спорт в нашей жизни занимал большое место.

ФУТБОЛ. Наконец-то свершилось (Это - Рем Рожков): мы: Карякин, Мытарев, Рожков -- члены сборной МГУ по футболу! Какие там лекции, когда ты полон гордости: защищаешь спортивную честь МГУ! Нам подают автобус и мы, полные собственной значимости, как заправские мастера, поглядываем на окружающих из его окон.

А с каким благоговением смотрели мы на игру старших, таких как Кулов, Оксюкевич, Самсонов, и др., ведь они уже почти были в мастерах «Спартака»! Кстати, Валька Мытарев, привыкший играть «в кость», всё-таки ухитрился на тренировке сломать голень одному из лучших нападающих МГУ Ю.Петрову (по кличке Петыч).

Особенно запомнился матч с институтом физкультуры, где мне удалось забить единственный мяч. Как горд я был! Ещё помню игру с МАИ. Я на скамейке запасных. Вдруг тренер кричит:

– Рем, раздевайся и на поле!

– Виктор Палыч, я пива выпил и плавок у меня нет!

– Ничего, обойдёшься, давай!

И вот я на поле. И конечно, казус. Мне шипом от бутсы рвут трусы, и всё наружу. Хохот на трибунах. Заколот булавкой и вперёд.

Кстати, ворота МАИ защищал Волков, тот самый, что потом стал космонавтом и трагически погиб.

Конечно, доходило и до драки, даже на трибунах. Играем с Тимирязевской академией на их поле. Наша первая команда проигрывает. На трибунах крик, свист: дескать, из 20 тысяч не могли набрать (с ударением на первом слоге) команду. Ванька Карякин возмутился, что-то насчёт судьи начал рассуждать, а ему в ответ: «Правила составляют люди». Ну, Ванька, горячий был, и ответил: «Правила составляют люди, а ты ...на блюде». Тут и началось... Еле мы из Тимирязевского парка вырвались...

А вообще-то у нас был очень футбольный курс. Географов в Красновидове разделали 8:0, их капитан Лёшка Сабельников волосы рвал от злости. Вот состав той команды геологов: Рожков, Рожин, Мытарев, Карякин, Гончаров, Никитский, Ташходжаев, Чен, Быканов. Очень жаль Юру Карманова, его уже с нами не было, трагически погиб, а вратарь был хороший.

Играли мы везде, где были площадки, играли до изнеможения круглый год. Прекрасный корт был в старом здании на Моховой. Прибегали мокрые, в снегу на лекции или практические и сушились на батареях.

Зато команда нашего 5-го курса выиграла первенство факультета, правда, в финальной игре пострадал наш вратарь Аркаша Ицков – ему в борьбе за мяч выбили передние зубы.

Извините, что так много о футболе – это моя любовь.

А ведь сколько прекрасных спортсменов было на нашем курсе! Вот атлеты: Арсанов, Ушаков, Авдулов, Шарыбкин, Агальцов, Буданов, Иванов, Вержбицкий, Короновский. А наши лыжники и лыжницы, легкоатлеты Аля Урываева,

Маша Роер, конькобежка Валя Копытина. Можно перечислять почти весь наш курс. Как молоды и прекрасны мы были, «...как верили в себя...»!

Маша Роер просит слова: "Я случайно попала в группу легкоатлетов. Существует такое магическое слово "НАДО!", которое заставляло советских людей подтягиваться и выполнять приказ без раздумий. Шли университетские соревнования по легкой атлетике на стадионе в Сокольниках. Я приехала поболеть за наших. Тут выяснилось, что некому бежать дистанцию 400 метров и добрейшая Валентина Петровна Чижова, увидев меня, обрадовалась: "Маша, надо бежать!" Откуда-то взялась форма, тапочки и я уже - на старте! 400 метров - очень трудная дистанция и я её никогда не бегала. Но, надо! Нельзя подвести факультет. Бегу! Конечно - последняя в забеге. Перед финишем из каких-то сил обхожу предпоследнюю и прихожу 3. Сердце – в горле, перед глазами – красный туман. А ко мне бежит радостный Сережка Ушаков и кричит на весь стадион: "Машка! Ты выполнила норму II разряда!" Оказывается впопыхах я попала в самый сильный забег на этой дистанции".

О футболе добавляет *Валя Мытарев*:

Я играл в футбол довольно редко, но «костоломом» не был. Хорошо помню тот случай со сломанной голенью. Мы в тот день играли на земляном корте в старом здании МГУ. Играли в кедах, без защитных щитков. С Юрием Петровым мы ударили по мячу одновременно, оба промахнулись и ударились голень в голень. Моя оказалась крепче.

Я очень переживал случившееся и перестал ходить на футбольные тренировки. Через месяц меня разыскал наш тренер Виктор Павлович Листиков. Он сказал, что моей вины нет и предложил вернуться к футболу. Разве я мог отказаться?

Кстати, перелом ноги в какой-то мере пошёл Юрию Петрову на пользу. Из-за этой травмы он задержался с распределением и попал в аспирантуру.

А вот другой футбольный эпизод вспоминать не очень хочется. Осенью 1955г., будучи уже на 5-м курсе, мы играли на первенство Геолфака с первокурсниками. Считая себя мастерами (Карякин, Мытарев, Рожков – члены сборной МГУ), рассчитывали на лёгкую победу. Однако, «первоклашки» упёрлись, и тогда, используя разницу в возрасте, мы начали играть грубо и откровенно по-хамски. Результата мы добились, но под Новый год в газете «Московский университет» была опубликована заметка о наших «подвигах». Было изрядно стыдно.

Ай, яй, яй! А про верных футбольных болельщиков забыли! Это вступают девочки-грунтоведы. Кто тащился за вами черт знает куда, чтобы поддержать своих!?! С вас причитается!

ЛЫЖИ. Невозможно (для *Стаса Снеговского*) обойти молчанием лыжную секцию нашего факультета. Это была очень дружная, веселая и серьезная семья. Родоначальником ее был Андрей Симон, но в наше время ее вдохновителями были Володя Выдрин, Саня Строганов, Вилли Буш, Оля Лунева, Марина Кабалевская, Валя Сажина.

Сборы организовывались на каникулах и даже в сессию. Помню, как в Планерское, тогда деревню, мы завезли для сборов целый грузовик продуктов – туши говядины, ящики сливочного масла и проч. (Здесь в повествование Стаса врывается Коля Короновский. Он помнит, что первый сбор был в Звенигороде в доме какой-то бабушки, а второй – в Пешках.) Мы ежедневно тренировались и готовились к экзаменам. Те, кто уезжали сдавать экзамен, в этот же день возвращались. Девушки весело рассказывали, какие глаза были у их мам, когда дома за столом, по привычке, они клали на хлеб такой же толщины слой масла.

Из нашего курса на сборах бывали: Ваня Логинов (у него был I разряд), Коля Короновский, Сережа Ушаков, Володя Лебедев, ваш покорный слуга и др. Многие наши однокурсники ездили на сборы в Хибины.

Вспоминает *Коля Короновский*: «Андрей Симон был фанатом лыжного спорта. Как только выпал снег – трижды в неделю мы ездили в Измайлово и там тренировались. Пропускать нельзя было ни в коем случае! Было постановление секции: лыжник должен учиться только на «пять» и петь в хоре, которым руководила Лиля Тевзадзе. Помню пели «Москва -- Пекин» и «Что ты мечешься, конь бестолковый?». В сессию мы поехали на сборы под Звенигород. Сняли там хату, договорились и местная бабуля варила нам щи да кашу, а мы тренировались и учились. Экзамены ездили сдавать в Москву и быстренько – обратно на тренировки. Утром ни свет, ни заря – подъем! Зарядочка, завтрак и – за книжки вокруг здорового стола. На столе стакан с водой, которой разрешалось брызгать в того, кто засыпал. Потом тренировка, обед, час-полтора поспать и опять заниматься.

Поехал я сдавать первый экзамен по зоологии Абрикосову. Помнится рассказывал про какой-то мышцелок и показал на себе. Великолепный старорежимный Абрикосов сказал, что у меня этот мышцелок давно атрофировался и поставил четыре. На мой ужас, что, мол, выгонят со сборов, – очень удивился. «Интересно как!» но «пятерку» не дал. Потом меня, конечно, разбирали. «Как ты допустил!!!» И я так напугался, что уже до самого конца учебы в МГУ не имел четверок. Так было поставлено в этой секции! Среди нас не было чемпионов, но мы выигрывали на университетских соревнованиях в командном зачете.

Второй лыжный сбор был в Пешках. Рядом там жила группа любителей походить на лыжах и мы ходили друг к другу в гости».

«Осенью первого курса почти все наши девочки (имеются в виду девочки по общежитию – говорит *Лета Баранова*) записались в лыжную секцию под руководством Вали Сажинной. Ходили на подготовительные досезонные тренировки, бегали кроссы по пересеченной местности и постепенно отсеивались. В первый настоящий лыжный поход с

опытными лыжниками, с детства освоившими этот зимний вид спорта, героически отправились наши южанки Лиля Булатова и Лида Сорокина. Если учесть, что их лыжный маршрут проходил по Кольскому полуострову, понятно, с каким волнением мы ждали их возвращения. Вернулись, однако!».

Помнится, (это включились *Зоя Кривошеева и Галя Постникова*) Юра Агальцов, Арсан Арсанов и Коля Короновский занимались самбо, а Коля еще и классической борьбой, в которой стал чемпионом МГУ в весе до 73 кг. Маша Роер была гимнасткой, Галя Постникова – плавала и даже заняла I место кролем на университетских соревнованиях на I-м курсе, Валя Копытина заняла I место на университетских соревнованиях по конькобежному спорту на простых коньках, а потом и на городских соревнованиях. Зоя Кривошеева - I место на простых коньках на факультетских соревнованиях. а Галя Ильина на них же – II место.

Зимой на первых курсах в конце занятий на доске писали, где собираются те, кто идет на каток, и большой компанией отправлялись на лед Парка Культуры им. Горького. Зоя Кривошеева помнит, что в эту компанию входили: Боря Рунов, Игорь Чен, Зоя Пудовкина, Стасик Снеговской, Женя Голубев, Женя Герасимович.

ПОДМОСКОВНЫЕ ПОХОДЫ

В наше время была на Геолфаке традиция. В первые осенние дни, сразу после начала занятий, третьекурсники знакомились с новобранцами и приглашали их сходить с ними в геологически интересные места Подмосковья. На правах старших третьекурсники показывали, как держать геологический молоток, отбирать образцы и описывать обнажение. Мы смотрели на них с уважением, если не с обожанием.

Как интересно было ходить по красивейшим местам Русской платформы! Пещеры в Горках – а по пути неболь-

шой песчаный обрыв с косою слоистостью: тут была река. А в пещере сколько фауны! Это карбон. А в Воскресенске на карьерах фосфоритового месторождения – юра. Граница между ними – в карьере Тучково, там еще есть следы илоедов, а глины лежат на размытом известняке и содержат мельчайшие кристаллы экзотических минералов. Мел из глауконитовых песков – в окрестностях станции Турист по Савеловской дороге... и так далее и тому подобное.

А как приятно было в поезде петь! Мы жадно поглощали весь песенный репертуар от Gaudeamus до блатных песен зэков, но особенно любили лирические песни геологов и географов и песни неясного происхождения вроде «Хозяйки».

Костёр – особое удовольствие: от быстро разжечь до сидения вокруг! То, что каждый захватил из дома складывалось в общую кучу и было общим столом. Чай варили в ведре на костре.

До зимы пару - тройку раз успели сходить с ночёвкой в палатках, но потом наступила зима, лег снег и тогда мы придумали «Пешки».

На новый 1952г. четверокурсник Коля Бетелев предложил нам найти место под Москвой, где можно провести зимние каникулы. Отправились на лыжах Коля, Миша Семихатов с III-го курса, а с нашего – Галя Постникова, Арсан Арсанов и я. Место нашли в заповеднике возле радищевских Пешек. Договорились с руководством заповедника и отправились назад.

И тут началась метель. Казалось, вот-вот станция, а железной дороги нет и нет. Вошли в какую-то деревню елживые. Замерзли очень. Постучались в первый попавшийся дом, спросили дорогу. Хозяин дома позвал нас внутрь погреться, сказал, что станция в 5 минутах ходьбы, но ближайший поезд через час. Спросил – кто мы такие. И кончилось эти расспросы очень вкусными горячими щами с гусем. Когда ж мы предложили плату, хозяева наотрез отказались. «Я был на фронте, – сказал хозяин, – сколько раз

неизвестные люди спасали меня, кормили и обогревали. Я просто делаю то же самое». А жили тогда еще очень бедно и накормить такую ораву было накладно.

Кликнули клич на курсе и набралось 20 человек, желающих отдохнуть в Пешках. Народ набрался с разных курсов и даже факультетов. Взяли продуктов на 2 недели, матрасовки (о сене уже договорились). Спали на сенных матрасах, девочки в одной комнате, ребята – в другой. Третья была столовой. Платили за проживание рубль с носа за сутки (буханка чёр. хлеба стоила два рубля с копейками).

В первый же день установили режим: подъем в 8, зарядка, завтрак в 9. Ели, сидя на полу. С первого же дня прижился порядок: пока разливают еду, поем хором. С легкой руки местной женщины, спросившей «Молитесь вы что ли перед едой?», прозвали это пение молитвой.

Двое дежурных – мальчик и девочка – готовят и следят за порядком в кухне и комнатах.

После завтрака «научные» часы: каждый читает, что взял с собой, скажем, по теме курсовой работы. Потом – катание на лыжах, обед. Вместо мертвого часа – чтение вслух. Читал Боря Журавлев. Почему-то «Педагогическую поэму» Макаренко, а потом «Флаги на башнях». Читал великолепно! Потом – вечерняя прогулка на лыжах.

На прощальном вечере ребята спели нам песню. Вот один её куплет:

Когда Перькова супчик разливала,
Сидели на полу вдвадцатиром.
Молитва наша бодрая звучала
Над полным, вкусно пахнущим котлом.

Поездки в Пешки закрепились как традиция. Вплоть до V-го курса можно было в зимние каникулы ехать туда отдыхать. Но уж не в само правление заповедника, а на лесные кордоны. Одну зиму их было четыре! И вся компания одного кордона размещалась в одной комнате.

На нашем 1-м кордоне у каждого было 2 гвоздя: большой для рюкзака и маленький – для полотенца. Спали

вповалку, девчата в одну сторону головами, ребята в другую, «ногами к ногам». Дежурный объявлял подъем, первыми вскакивали ребята и бежали на зарядку. Только последний за дверь -- вставали мы.

На каждом кордоне каждый год были свои выдумки. В 1953, например, завели «гвоздь конфискации». На него вешали все найденные бесхозные вещи и брать их оттуда было нельзя. После ужина они разыгрывались как фанты, а перед началом розыгрыша хором пели:

Длинный гвоздь конфискации обломиться готов:
 На нем шапки и варежки и десяток штанов.
 Машет Витенька кофтою: «Чей сей ценный предмет»,
 Люда, младшая Котова, открывает концерт.
 Пляски, песни веселые, всем концерт по душе,
 На гвозде конфискации тает куча вещей.
 Благодарны дежурному и бригада и гость
 Слава Виктору Фонину, учредившему гвоздь!

Пели много и много ходили на лыжах. Очень здорово было идти гуськом по лесу при луне. Уже родные, места делась таинственными, а в поле выйдешь – там ветер, скорее в лес. Электричества первые годы не было. Вечером читали при керосиновой лампе. Иногда по очереди вспоминали наизусть стихи. Народ был с разных курсов, как и в первый год. После конца каникул продолжали дружить всем кордоном. Даже после окончания МГУ на первом кордоне у лесника тети Вари Костериной собирались ежегодно то на Новый год, то весной. И так до самой ее смерти в 80-х годах. А в 1955г. по договоренности с руководством Клязьминского лесничества приезжали на лесопосадки. Потом я приехала туда через много лет и тетя Варя показала посаженный нами лес. Он не отличался от окружающих участков: матёрый, дикий сосновый лес! После санитарных рубок в нем уже не было видно рядов.

М.Раменская.

КРАСНОВИДОВО

Вот и Красновидово. Милая берёзовая роща, Москва-река. Для меня (*Рема Рожкова*) это родные места: пионерлагеря, спортлагерь. Ну, конечно, опять же, с утра до вечера футбол. На ночь в палатке читаем вслух «12 стульев». По мере чтения смех стихает и переходит в похрапывание.

Рейка, нивелир, теодолит и ещё чёр-те что...И вот зачёты. Ваньке Карякину и Лёньке Пикулю повезло – проскочили, а я, увы, влип на какой-то задачке. «Вам, молодой человек, надо было в физкультурный идти, а не в МГУ», - заявил мне руководитель практики Господинов (как оказалось, не любитель футбола) и оставил меня без зачёта. Еле-еле удалось упротить проректора Салищева разрешить пройти снова курс с вечерниками. Ну, уж среди них я был просто «академиком»: они вообще не отличали теодолит от нивелира. Я был страшно горд своими познаниями и раздавал консультации. Но нет добра без худа. Захватил наш планшет часть вишнёвого колхозного сада и застала меня преподаватель Николаевская сидящим на дереве. Вот и всё! Тётя она была очень строгих правил и только стояние на коленях спасло меня от второго провала.

Зато потом, в Москве, случай помог отыграться на Господинове. Он, как оказалось, был большой любитель «Коктейль-холла» на Тверской, где мы и встретились. А был он в таком состоянии, что узнать меня не мог, и далее, мне и Марату пришлось тащить его домой (он жил недалеко). По ходу дела я ему всё и припомнил. Не поверите – он заплакал.

Нет уже берёзовой рощи, нет милой с песчаным пляжем Москвы-реки. Грустно...Но остались байки *Вали Митарева!*

- С трудом добираемся своим ходом (от Можайска до Красновидово), разбредаясь по нескольким дорогам. Встречаются две группы.
  - Нам сказали, что идти осталось 2 километра.
  - Вам хорошо. А нам только что сказали, что еще пять.
- Поселили в больших палатках. Перед уходом в маршрут оставляем дежурного по палатке, который у нас получил наставление: «Не вздумай убираться! Увидят, что у нас чисто, потребуют, чтобы всегда так было!».

Коля Короновский: Рисуем близ Москвы реки геодезическую карту. Жарко, раздеты, как на пляже. Я – у мензулы, Аля Урываева с рейкой – у уреза воды, вижу её вниз головой, но очень четко и близко.

– Аля-я! Чуть правее! – Переходит.

– Аля-я! Чуть левее! – Она опять переходит. Очень не хочется выпустить её из поля зрения!

– Аля-я, совсем чуть-чуть правее! – Подвинулась.

- Аля-я! Немного левее! – И тут она оступается и летит в реку. Рейка плывет по воде и на всю округу в плеске и брызгах звенит: «Дурак!!! Идиот!!!»...Как приятно вспомнить!

Моя (*Наташи Семеновой*) подруга Эмма Пичий однажды в самое горячее время упорных трудов нашей бригады (я, Эмма, В.Мытарев, И.Державец и В.Никитский) вдруг пропала из поля зрения окуляров всех приборов вместе с рейкой. Оказалось – ей просто захотелось попить молочка и, бросив рейку в траву, она пошла в деревню.

Запомнились утренние работы бригад, которым, как всегда, не хватило пару дней. Рано-рано, когда солнце еще не показалось над горизонтом, а над Москвой-рекой плывут туманы, цепочка призраков с теодолитом, мензулой, рейками, то ныряя в овражки, то вылезая на пригорки, спешила занять «точку». Особенно активны в те влажные утра, когда от сырого воздуха поднималась «рубашка» на мензуле, бы-

ли Рем Рожков, Саша Рожин, Ваня Карякин, обещавшие «повыдергать ноги и вставить спички» тем, кто раньше них посмеет занять репер.

«Занять во время репер – дело серьезное! - Вступает *Маша Роер*. - Здесь главное – успеть. Саша Шарыпкин проснувшись затемно в тумане добрался до одного из них, привязал каким-то образом рейку на репере прямо веревкой и устроился доспать. Тут его Господинов и обнаружил: «Вы что тут делаете?» «Так к реперу привязываюсь».

КРЫМ

На годы долгие запомним Крым,
Для нас он домом стал вторым.

В.Бакакин

Но сначала он был для нас мечтой. Вот когда поедem в Крым... Скорей бы уж! Наконец мы загрузились с нашими рюкзаками в плацкартные вагоны поезда Москва–Симферополь и неспешно поехали на юг...юг...юг.

Поезд шел, а мы пели. Когда он полз совсем еле-еле, мальчишки выскакивали на ходу, рвали для девочек цветы пыльные-е-е, но всё равно -- цветы! А когда поезд тащился рядом с вонючим Сивашем, Серега Ушаков решил быстренько освежиться и таки окунулся! Поезд тронулся, как в войну, без предупреждения, и запрыгивать пришлось уже на ходу. Сережа был весь в водорослях, грязно-зелёного цвета, но очень довольный собой. Отмыли его хором, не сразу и не очень.

Были и отставшие: Аля Урываева и Нина Смирнова вышли в Запорожье погулять, а поезд ушел. Спасли их какие-то военные, которые напоили и накормили заблудших и доставили их до места.

В Бахчисарае нас встретила грузовая машина с открытым кузовом и деревянными досками от борта к борту. На ней и пешком мы добрались до Мангуша. По дороге в низинке многие из нас впервые увидели море алых маков, которое, как стоп-кадр, врезалось в память. Село после вой-

ны стали называть Партизанское, но теперь – это снова Мангуш.

Преподаватели загодя позаботились о том, что мы будем есть в Крыму, еще в Москве. Тушенку везли со склада из Москвы. А вот за картошкой заезжали в Курск на машине, которую перегоняли с университетской базы. Для этого отрядили наиболее надежных ребят. Известно, что туда входили Паша Строев, Володя Лебедев и кто-то еще. Они заехали в Курск к Пашиной родне, повеселились наверно, затарились картошкой и до приезда курса уже были в Мангуше. Причем успели еще сложить печку во дворе дома, в котором нам варили еду. (Это вспомнил *Володя Лебедев*)

А дальше пошла трудовая жизнь, о которой мы изредка писали родителям. И случилось так, что родители сохранили наши письма. Слово *Гале Ильиной*:

«Отчет примерной девочки родителям.

02.07.53. Дорогие мои родители и Димка! Вы, наверное, прокляли меня и отказались от меня за то, что я не пишу. Но вы не представляете себе, как здесь некогда. <...> Спим по 6 часов, редко по 7, один раз спали 9 часов – это великое счастье было; так что ходим хронически невыспавшиеся <...> Встаем мы в 6 часов утра, 7-30 – линейка, на которую нужно приходиться полностью готовыми к маршруту. Этих полутора часов еле хватает, чтобы все сделать. На линейке – рапорты старост групп, объявления, политинформация. Около восьми выходим в поле. Ходим до 4-30 – официально, но наша группа всегда возвращается в 5–6, часто и в 7 часов вечера. С 7 часов до 9 – камералка, так что еле пообедать успевали, а бывает камералим до 10, а часто и до 11–12, и в это время, кроме того, что спать хочется, уже ничего не соображаешь. Но все-таки здесь очень-очень интересно.

Руководитель у нас Дмитрий Павлович Найдин, очень знающий человек, гоняет нас беспощадно. Группа наша состоит из 16 человек (4 бригады), три из них полностью мальчишечьи и одна наша – смешанная. Состав бригады:

Б.Журавлев, В.Шевченко, Я.Перькова, Г.Ильина. Осталось два маршрута, а потом 8 дней пишем отчет. 13 июля кончаем практику, а потом – пешком через Крымский заповедник, через Главную гряду Крымских гор идем в Гурзуф. На это два дня. А потом отпускают нас на все четыре стороны.

Стипендию еще не дали, дадут перед отъездом. Сейчас сию без денег. Дали мне 300 рублей, 100 истратила до 9 июня (в дороге, 80 рублей на Южном берегу и в первый день здесь – до того, как приехали все и стала работать столовая); потом в воскресенье мы поехали снова на Южный берег (об этом подробнее после) истратила рублей 60, меньше никак невозможно. Ну, а остальные – здесь молоко берем каждый вечер по 2 л. (ведь в столовой дают два раза в день), хлеб, черешня, которой уже начинаем объедаться, и прочее. Да, 55 рублей у меня вычли, ведь мне дали на дорогу 200 руб., а билет стоит 145 руб. Вот и всё.

Галину Михайловну (Г.М Саранчина – преп. Геолфака Ленинград.ГУ. – была в это время со студентами в Скалистом) я видела при чрезвычайных обстоятельствах. У нас все время дожди (местные жители говорят, что такого они не помнят); из маршрутов почти каждый день возвращаемся мокрые до последней нитки. Главное – погода коварная. С утра ясно, а во второй половине дня – проливные дожди, ну вот, отвлеклась. Так вот, от этих дождей разлился Бодрак – маленькая речонка. Причем, разлился в один миг и так, что было настоящее наводнение, даже жертвы были, правда, потом всех спасли, кажется. Шла я в Бодрак к тете Гале при хорошей погоде, а добралась к ней вплавь. У нее снесло совершенно сад, уплыло платье, туфли и еще кое-что из вещей. Основные ценности и люди остались целы.

Я уже писала, что 21-го в воскресенье были на Южном берегу. До Симферополя мы доехали на своей машине, а там - на автобусе до Алушты, в Алуште побыли часа два – три, а потом на пароходе доехали до Гурзуфа. Там тоже побыли часа два – три и пароходом же вернулись в Алушту. Но на автобусной станции билетов на Симферополь не

оказалось. (Это я пишу родителям. А на самом деле мы просто засиделись в ресторанчике и опоздали на последний автобус) Тогда мы (Боря Журавлев, Арсан Арсанов, Володя Шевченко и я) решили идти по шоссе, думая, что где-нибудь сядем на машину. Это нам удалось сделать только на 11-м километре от Алушты. Но эти 10 км были, пожалуй, самыми замечательными во всей поездке: постепенно удалялись в горы, а над горами висел туман и в то же время в небе был громадный месяц. В общем, полный набор экзотики: горы, месяц, цикады и т.п., и т.д. Это, действительно, очень красиво. Итак, до Симферополя мы все же доехали. А от Симферополя до нас 29 км. Эти 29 км мы прошли за 6 часов и в половине шестого мы были дома. Послав час, вышли в поле. Но мы все-таки очень довольны поездкой.

Да, я не рассказала, где я живу. Устроила я нашу бригаду великолепно: у нас две комнаты и небольшая веранда, вход от хозяев отдельный; но хозяйка тоже хорошая, даже иногда неудобно бывает за то, что – приехали и видим вымытый пол, помытые и вычищенные наши грязные ботинки и т.п., так что живем в общем хорошо.

21.07.53. <...> перед сдачей отчета мы работали больше 48 часов без передышки. В отчете я писала главу «Геоморфология» и часть главы «Стратиграфия» – палеогеновые и четвертичные отложения. Отчет сдали на «отлично». Вообще, было большинство пятерок, но и тройки встречались. Наш Д.П.Найдин был доволен. Сдача отчета заключалась в том, что мы просто отдали его в оформленном виде: переплетённый, с графикой, с картами, составили сводную колонку. Комиссия просмотрела эти материалы и поставила оценку. Потом было общее собрание, на котором были подведены итоги практики, а потом нас распустили. Восемь человек, в том числе я и Ирка Фиделли, отправились пешком через Крымский заповедник, Гурзуфское седло, в Гурзуф. Утром по этому же маршруту отправилась основная масса (получилось не "по этому", потому что мы и

они через заповедник шли разными путями). Человек 20 пошли пешком через Главную гряду, но только мимо каньона, и вышли прямо на Ялту; остальные -- кто вечером, кто утром -- на машинах вместе с вещами и на специальных машинах приехали в Симферополь и в Гурзуф.

Наш переход был великолепным. Шли по каньону. Однажды, когда уже стемнело, оказалось, что мы идем на север, вместо юго-востока... в общем, немного заблудились, и уже часов в 11 совершенно случайно вышли в то лесничество, в которое нужно было. Перночевали на сене, на следующий день шли через заповедник – это такая красота, что и описать невозможно. Но самым интересным была гроза, которая застала нас почти на перевале. Ветер был такой, что сбивал с ног, дождь хлестал страшно, сыпался град величиной с трехкопеечную монету. На следующий день я вся была в синяках. А самое интересное, что тучи были даже не прямо над нами, а среди нас. Короче, досталось нам изрядно. Но картина, которую мы увидели с перевала, достойна того, чтобы повторить все сначала.

По мере нашего спуска вниз мы выходили из зоны грозы и вошли в Гурзуф при ясной погоде. Машины с нашими вещами еще не было, и мы, искупавшись, отправились в ресторан. Гурзуф очень затрёпанный городишко. Когда мы вернулись вечером на базу, там творилось что-то неопишное: наша машина вместе с десятью нашими ребятами и девчонками перевернулась, не доехав до места 1,5 км. На счастье, серьезных переломов, ушибов и т.п. не было. Двоих свезли тут же в больницу в Ялту, на следующий день они уже двигались. Лично меня это дело коснулось таким образом: патефон мой был сверху, пластинки были в нем, они побились вдребезги, патефону тоже досталось. Очень жаль, он нам так верно служил, под него мы камералили и отчет писали. Прожили мы в Гурзуфе до 17.07.53г. 17-го мы со Светкой Колесневой сели на «Россию» и направляемся сейчас в Сочи. Там у Светки есть, где остановиться. Там

мы пробудем числа до 22-го–23-го, разъезжая по Рицам, Хостам и т.д. <...> .

P.S. Не написала самого главного. В день сдачи отчета наш Д.П.Найдин пригласил меня ехать с ним по верхнемергельным отложениям Крыма, Донбасса, Волги <...>, Я была совершенно ошеломлена и не согласилась.<...>

Как я тогда угадала -- «самого главного».Если бы я тогда согласилась, очень возможно, все пути дальнейшие, вся жизнь пошла бы иным путём, другая работа, другой коллектив, другая компания, другие знакомства. Неважно лучше или хуже, но по-другому».

Вступает *Соня Ярлушкина*: Мих. Мих. Москвин вел обзорный маршрут. Объединенная группа студентов стояла на вершине горы Шелудивая. Помню, было интересно. Но надо же было такому случиться, что бригада Арсана Арсанова (Коля Богданович, Гоша Державец и Тед Федоров) решили бегом спуститься с горы Шелудивой и бежали они мимо меня. Я до этого внимательно слушала Москвина, но, когда они пробежали мимо, я по инерции увлеклась за ними. Скорость бега все увеличивалась и увеличивалась. Я думала, что мои ноги оторвутся от туловища. Помню, как только я побежала, раздался громкий тревожный крик Москвина: “Назад!” Если бы я даже захотела, я не смогла бы остановиться. Теперь я понимаю, что, если бы я упала, я могла бы сломать руки и ноги, ободрать кожу! Внизу был овраг, заросший кустарником, в основном с шипами. Помню, в голове вертелась одна и та же мысль: не отстать от ребят и попасть на тропинку! Слава Богу, все закончилось благополучно! Я попала точно на тропинку, у меня не было ни одной царапины, ни одного синяка. На следующее утро ребят отчитывали на линейке, а я проспала и на линейку не пошла. Позднее, когда я работала в экспедиции на должности прораба или начальника партии и отвечала за жизнь людей, я поняла, что пришлось пережить Москвину, пока мы мчались с горы.

А вот и Крым и опять невезучка. (Это уже *Рем Рожков*). Все копаются в канаве, ищут «чёртов палец» (по-нашему белемнит). Долго копаются, и вдруг чей-то вскрик: «Нашёл!». Ну, как тут было не сдержаться и не процитировать: «Известно: - издавна ведётся, что только дурням клад даётся». «Дурнем» оказался Георгий Павлович Леонов, наш руководитель. Ну вот и всё – кранты! – зачёт только с нескольких заходов и слёзных просьб. Да, ещё в это время у Сашки Рожина зуб разболелся, хорошо бабка местная заговорила. Зато на дне рождения Юры Раструсина выпили эмалированное ведро браги, после чего Джон рыдал от несчастной любви.

Воспоминаниями делится *Ира Мясникова*:

По окончании практики небольшая группа студентов (около 12 человек) под руководством Е.Е.Милановского прошла по Каньону и вышла на Яйлу западнее Ялты. Помнится это были Долотина Римма, Макухина Инна, Николаев Игорь, Семёнова Наташа, Шурыгина Рита, Ярлушкина Сося, кажется Игорь Чен, кто-то ещё и я.

Крымский каньон – это наше чудо света. Ширина его от 3–4 до 8–10 метров, может, чуть более в самом широком месте. В южной части, близко от выхода на Яйлу он сужается так, что до стен можно достать вытянутыми в стороны руками. Глубина каньона (высота стен) порядка 150 м., возможно, более. Стены крутые, почти вертикальные, в нижней части сглаженные потоками воды так, что не за что зацепиться руками. Дно каньона сглажено еще больше, можно сказать, отшлифовано до состояния асфальта на тротуаре, осложнено сглаженными уступами-водопадами высотой до 2 м., эрозионные котлы перед которыми заполнены водой. Уровень воды в этих котлах временами доходит до бёдер или до пояса. Но таких мест было немного.

Первыми взбирались на верх сухих мини-водопадов Евгений Евгеньевич и Игорь Николаев, а потом за руки подтягивали наверх всех остальных. В одном месте пройти

было почти невозможно. Евгений Евгеньевич немного (на полтора – два метра) поднялся вверх по стене, чтобы обойти этот очередной котёл, но не удержался – сорвался и полетел вниз головой. Удар смягчил рюкзак, точно легший под шею и голову. Все обошлось благополучно.

Такие досадные осложнения отнимали время у подробного осмотра каньона и не давали возможности полностью оценить мощь и первозданную красоту этого дивного природного явления. И всё равно впечатление было потрясающе сильным!

Вряд ли кто из нас тогда серьёзно оценил силу эмоционального воздействия на нашу психику этого перехода. Мы не успели почувствовать величие и красоту каньона -- впереди нас ожидал непредвиденно трудный и изнурительный спуск с Яйлы к подножью гор, затянувшийся на много часов вместо обещанных двух. Этот тяжелый спуск даже частично вытеснил впечатление от каньона.

Мы спускались по непроторённому месту, где потоки известковой щебенки сменялись очень крутыми обрывами высотой до двух – двух с половиной метров. Приходилось всё время отклоняться в стороны, крайне осторожно пересекать осыпи известняков, держась за любые кустики, кочки и даже за бодягу. При малейшей ошибке в переходе осыпь начинала сползать вниз. Е.Е.Милановский и Игорь Николаев с небольших обрывов спускались всегда первыми и принимали девочек себе на плечи и на руки. Мы с Тamarой Уткиной им помогали, как могли, спускать девочек вниз. На всём протяжении до подножья было много таких опасных мест и кто-то из девочек даже всхлипнул. На ком-то уже была изрядно порвана одежда.

На дороге мы оказались только к вечеру, а в Ялте были ещё позже часов в 10 – 11, когда все кафе и рестораны закрыты. В Гурзуф на базу прибыли глубокой ночью.

А утром солнце, голубое небо и море вытеснили переживания вчерашнего дня.

А это воспоминания о Крыме *Манона Хасанова*.

После летней практики в Красновидово мы все заболели Крымом и воспринимали его, как райскую жизнь, но в Крыму наши преподаватели Казакова, Найдин и др. преподнесли совсем другой урок. Крым оказался несколько суровее, чем мы ожидали. Особенно пешие геологические маршруты по водоразделам горной части, где обнажаются датские известняки. Жарко, воды нет. Она есть внизу в виде родников, спускаться к которым долго. Руководители говорили нам: «Геолог должен быть выносливым и терпеливым». Особенно терпеливым относительно водопоя.

Так мы и изучали Крым, мучаясь от жажды. Особенно туго приходилось девчонкам. Иногда во время короткого отдыха падали на землю. Я шутя напоминал ребятам «Помните метро «Охотный ряд»? Подходишь выпить газировку, а тебя спрашивают: «Вам со льдом или без? Вам чистую или с сиропом?». Девушки – Раса, Ниоля и другие – сердились, говоря: «Манон, перестань!».

В первые же дни исчезла наша однокурсница Муза. На целых полтора суток. Все это время шел мелкий дождь. Все студенты и руководители практики (Найдин, Казакова и др.) не на шутку перепугались. Были снаряжены отряды, обыскали всю окрестность – Чуфут-Кале, Каяс-Джилга и т.д. Уже думали о плохом исходе. И вдруг на второй день Муза явилась. Мокрая, бледная, усталая. Оказывается, она ночевала где-то в лесу. Как это случилось, не знаю. (*Возмущается современная Муза: «Да, заплутала я. Но пришла к утру, а вовсе не через полтора суток.»*)

Но всему приходит конец. Кончилась и практика, сда ны отчеты и утром – прощай, Мангуш! Останутся позади Чуфут-Кале, Каяс-Джилга, розовые плантации и всё, всё!

Сейчас уже мало кто помнит, что на нашем курсе функционировало два «Дивана», большой, из 17 человек, и малый – из 7 человек. Председателем в обоих «Диванах» был я. Все крупные проблемы решал «Диван» после обсуждения вопроса простым голосованием. Всему курсу пред-

стоял выезд из Мангуша в Ялту завтра, а «Диван» проголосовал выехать сегодня. («Диваны» состояли из ребят). Так и порешили выехать немедленно.

В Мангуше наша группа – Минервин, я, Савинченко, Карякин – дружили с местным попом. Это был человек небольшого роста, пухленький, розовощёкий, с блестящими маленькими глазами, жиденькой бородкой и усами. И попадя ему подстать.

Обычно мы заходили к попу вечерами и в непогоду. Мы брали с собой водку (часто поп выставлял сам), а попадя жарила яичницу из большого числа яиц на сале. После первых трех традиционных тостов начинался спор о пользе и вреде религии. О различных религиях. По мусульманской религии специалистом был я. Эти споры были очень захватывающими и интересными!

Тот вечер был у нас последним, прощальным, и мы обнялись, расцеловались с симпатичным попом и попадией. У них больше никого из членов семьи не было.

Часиков в 8 вечера ребята нашли грузовик – уговорили шофера, скинулись по червонцу (деньги, слава Богу, были) и выехали в Ялту. Езды было около 7–8 часов, а может и меньше. Грузовик мчался по пыльной дороге. Нас было человек 20–25, из них – 5 девушек. Девушки были самые близкие к членам «Дивана». Лёня Пикулевич и Тамара Овчаренко позже поженились. Дорога петляла среди аулов, огороженных низкими дувалами (заборами), выложенными местным стройматериалом – известняком, из-за которых машину сопровождали лаем злые кавказские волкодавы.

В Ялту мы въехали глухой ночью, предвкушая уют и горячий ужин в первом же ресторане. Тогда в Москве рестораны работали всю ночь и мы ожидали того же в Ялте.

В культурной части города первым нас остановил милиционер. Мы совсем забыли о своем внешнем виде: обросшие, небритые, невымытые, одежда не первой свежести, чаще майка или футболка и шаровары с заплатками. Очень мы напоминали бродяг или, как сейчас говорят «бомжей».

Пришлось объяснять милиционеру, кто мы такие, что нам нужен ресторан, гостиница, помыться и поужинать. Наконец, милиционер разобрался и просветил нас: «Во-первых, все рестораны работают до двух часов ночи, они уже закрыты; во-вторых, вас в таком виде ни в один ресторан, а тем более в гостиницу, никто не пустит. Могу вам посоветовать следующее. Проедете еще километров 5 и въедете на Набережный бульвар. От моего имени обратитесь к милиционеру и, если он разрешит, расположитесь там на скамейках, а кому не хватит места, переспите на травке. Южные ночи настолько темные, что трудно увидеть рядом стоящего».

За неимением другого выхода мы последовали мудрому совету блюстителя порядка. Подъехав к Набережному бульвару, мы ошупью нашли себе место. Наше ложе было очень жестким. Угловатая щебенка и свежескошенная трава давали о себе знать. За короткую ночь не раз просыпались и вспоминали наши постели, тюфяки, набитые соломой, оставленные в Мангуше, но усталость взяла свое и мы быстро заснули.

Первым проснулся я. В 5 утра рассвело и уже все было видно. Я огляделся кругом и моя челюсть отвисла.

Я никогда не видел такой красоты! В 20 метрах от нас плескалось «Чёрное» море. Все побережье утопало в зелени, а море не было черным. Оно было изумрудным. Над водой прыгали рыбы. Я, когда пришел в себя, не своим голосом заорал: «Эй!!! Чего вы валяетесь, смотрите, какое кругом чудо!». Все потихоньку проснулись, переживая то, что пережил только что я. Все быстро встали и подошли к морю. Вода была, как парное молоко, разделись и отдались всей душой воде моря, испытывая блаженство.

Да, вот это – Крым, вот это – море, вот это – климат! Ничего подобного никогда не ощущал.

После принятия морской ванны мы все потянулись в парикмахерскую. Это было довольно просторное помещение. Перед красивым зеркалом стояли 22 кресла, но в по-

мещении была только одна уборщица. Она сказала: «Занимайте места, скоро придут мастера с морского купанья». Мы заняли все кресла. Мастера шли не спеша, они, наверное, по утрам не ждали столько клиентов. Увидев нас, сразу оставили свежие газеты и бросились к нам. Спрашивали «Что прикажете?» Ответ: «Всё, что надо для нормального человека». Начали с мытья головы и все остальное.

Приведя себя в порядок, пошли в кафе «Прибой» на завтрак. Очень проголодались, и, взяв меню, заказали от начала до конца. Кто-то даже спросил меня: «Манон, что это такое написано – «кумыс»? – Я знал, что это кобылье молоко, полезное для туберкулезников и сказал: «Бери, это хороший напиток». После завтрака снова подались к морю. Уж больно хороша была морская вода!

У В.Бондаренко распухла правая нога (попала инфекция). Я с ним пошел в поликлинику. Молодая симпатичная сестра обработала и перевязала ногу.

Пошли гулять по набережной, посмотрели фильм «Маугли». К обеду на небольшом пароходе поплыли в Гурзуф, куда должны были приехать остальные из Мангуша. Высадились в Гурзуфе, где была база МГУ. Наши еще не приехали. К вечеру пошел дождь.

Где-то к 19 часам вечера прибежал какой-то парень и сообщил нам, что по дороге наш грузовик с вещами и людьми перевернулся. Мы побежали к месту аварии.

Оказывается, наш грузовик с матрасами и чемоданами ехал по дороге, и после дождя, соскользнув с дороги, перевернулся вниз по уклону и встал снова на колеса. К машине подбежал первым. На нагруженном матрасами самом верху сидела Аля Землякова, глаза закрыты, на вопросы – никакой реакции. Остальные девушки ниже лежали в различных позах. Подошли остальные ребята. Мы думали, что все умерли. Но они, оказывается, были просто в шоке. Я стал трясти Алю. Она вдруг очнулась, закричала, попыталась встать и бежать. Очнулись и остальные девушки. Мы их еле-еле успокоили. Все были живы и здоровы и машина ис-

правна. Мы поднялись на дорогу, остановили какие-то автобусы, посадили девочек. Тут подошли вооруженные пограничники и доставили нас на базу.

«Правду говорят менты, (вступают *Оля Бондаренко и Галя Постникова*), что никто так не врет, как очевидцы. А мы были действующими лицами того происшествия.

Дело было так. До Гурзуфа оставалось чуть-чуть, когда в потоке машин какая-то неожиданно затормозила, а какая-то «поцеловала» ту, что была впереди. Молниеносно вылетел горячий обиженный и, не разобравшись, ударил нашего шофера. Наши ребята молнией скатились с машины на землю и врезали обидчику. С противной стороны подоспела подмога и кто-то из наших уже бежал вниз по склону к Гурзуфу, а наш слегка контуженный шофер сел за баранку.

Если бы не это - он бы сообразил, что место, куда он свернул, не могло быть дорогой для грузовой машины. Метров десять два колеса еще как-то держались, а потом дорога превратилась в тропу для ослика. А ведь только что прошел сильный ливень!

Свернув, наш водитель уже ничего не мог изменить. Ни назад – скользко, ни вперед - колесам не на что упираться. А склон очень крутой. Задние колеса стало заносить, машина начала заваливаться на правый борт и крутиться. Сначала она встала колесами кверху, вывалив всё, что было в кузове, на склон, а потом, продолжая крутиться, встала на колеса. Маленькое деревце заклинило между кузовом и кабиной и вращение остановилось, что собственно и спасло мне (Гале) жизнь. Машина повисла в наклоненном положении над ручьем. Кстати, как потом выяснилось, она нисколько не повредилась. Живым душам тоже сильно повезло! Трое, что сидели сзади, – Оля Бондаренко, Ира Никандрова и Павел Финкельберг – отлетели от вращающейся машины и кинулись, не разбирая дороги, вниз в Гурзуф за помощью. Галя Постникова летела, слабо касаясь земли, перед машиной и ввалилась в колючий куст, ожидая, что её накроет бортом. (Свидетельствую: Правду говорят, что в

мгновение опасности вспоминается вся жизнь – время как бы останавливается. Было!) Остальные оказались под грудой рюкзаков и чемоданов, и всем сказочно повезло, что острые, грубые углы почти миновали наши молодые тела. Беспокоились за позвоночник Феликса Аптикаева – Феликса вынесли потом на доске, но и он после дня в больнице был благополучно отпущен.

Когда я поняла, что борт меня не накрывает, то поползла вокруг машины на коленках к общей куче. По дороге увидела лежащего, кажется, нашего повара (он ехал в кабине) рядом с глыбой белого известняка, измазанного алой кровью. Он прошептал: «Я жив. Ползи дальше». Дальше была куча барахла, из которой вылезали, кто как мог. Помню, что мы с Алей Земляковой пытались освободить Феликса, поняв, что ему хуже всех, а над нами нависал, кажется, Саша Владимиров и не помогал. Мы потом поняли, что он был ещё в шоке и ничего не видел – потерял очки. Затем мы сели на разбросанные вещи и стали ждать помощи, постепенно приходя в себя.

С нами попутно ехала какая-то дама из МГРИ, которая тоже оказалась в общей куче и непрерывно спрашивала: «Где мы, что с нами?». Раза два мы терпеливо объяснили ей, как всё, ну, так благополучно кончилось! А потом к нам вернулось чувство юмора и мы стали слегка подшучивать над ней. Наконец, сверху с шоссе на нас свалилась помощь. Врач профессионально перетрогала наши тела. Все, кроме Феликса, отказались от помощи и пошли своими ногами. МГРИшной даме тоже сказали, что она может идти своим ходом, даже если у неё есть перелом грудной кости. Она страшно обиделась!»

(Далее опять продолжает *Манон*)

На другой день мальчиков из Гурзуфа провожали в Москву. Девушки оставались в Крыму. Некоторые решили поработать на Массандровских виноградниках. А мальчикам надо было ехать в военные лагеря в Петушки.

Подали то ли два, то ли три автобуса и мальчики стали в них загружаться, причем часть из них уже «приняла на грудь». Девочки стояли кучкой и изображали солдатские проводы. А Г.П. Леонов, наблюдая всю эту суету, пробормотал негромко: «Ах, дети, дети!» (Это слышал *Коля Короновский*).

Всё проходит. (Утверждает уже *Рем Рожков* и он таки прав!). И вот мы в автобусах «Гурзуф – Москва». Повезло только Вовке Бондаренко: он повредил ногу, и ему досталось единственное лежачее место. Первая остановка – Мелитополь.

Вступает *Манон*: Запомнился ресторан в Мелитополе. (В своих воспоминаниях Манон назвал его Минском. Но не могли же автобусы, которые идут кратчайшим путем в Москву, заехать для первой остановки в Минск?! Составители догадались, что это – Мелитополь. Ведь, полвека прошло – простительно что-то и перепутать. Впрочем возможно Минском назывался тот самый ресторан.)

Наши автобусы остановились на стоянке около ресторана. Мы вошли в ресторан. На первом этаже в зале было довольнолюдно, шум ложек и вилок, разговоры – ну, как в ресторане. Наш внешний вид все еще оставался прежним, не ресторанным. На втором этаже было что-то вроде балкона со служебными помещениями (бухгалтерия, кабинеты и т.д.). Нас было человек 30, и нам сделали хороший стол на площадке второго этажа. Стол и обед были шикарными, мы это могли себе позволить. Двери служебных помещений были закрыты от шума. Через некоторое время мы запели. А петь у нас на курсе было кому (Марат Бакеев, Юра Рас-трусин, Андрей Минервин, я и многие другие). Пели, в основном, наши геологические студенческие и из репертуара Лещенко («Журавли» и пр.).

Пели хорошо, нам и самим нравилось: это не просто пьяные голоса, а песни спевшегося коллектива. После нескольких песен смотрим – двери служебных помещений потихоньку открылись настежь. Даже внизу в ресторане пре-

кратился шум и каждая песня принималась аплодисментами, а под конец хлопали стоя. Послушать нас вышли и обслуга в белых фартуках и чепчиках. Так этот импровизированный концерт длился часа два. Нас с благодарственными словами проводили до автобусов и мы выехали на Москву.

Кроме ресторана в Мелитополе был на беду еще и базар, – вступает *Рем Рожков*. Накупили мы ведер десять абрикосов, набили ими подматрасник и привязали к поручням. Часа через два они потекли. Начали их жрать в огромных количествах, потом кидаться в прохожих, а потом.....

Стоп!

Нежные женские, а особенно редакторские уши не могут вынести прямого, как оглобля, мужского повествования этой душераздирающей истории, имевшей место полвека тому назад. (Кстати – в те поры мальчики ни словечка об этом девочкам не обмолвились). Чтобы не только составители, но и все бывшие мальчики вспомнили, а бывшие девочки узнали, как дело было, текст пришлось слегка адаптировать.

Итак, наевшись с избытком абрикосов с Мелитопольского базара, наши дорогие мальчики - будущие защитники Отечества -- двинулись в сторону Москвы, но спокойно ехали недолго. Попросили остановиться. Потом – ещё. И ещё. И ещё. Автобус выбивался из графика. Шофер нервничал. Тогда, нарушая всякую технику безопасности и пользуясь тем, что ехали одни парни, он предложил открыть заднюю дверь. Ну что делать?!?! Автобус стал набирать скорость. Лечились в пути испытанным средством – ей любимой. Через двое суток, измученные и значительно полегчавшие въехали в Москву. Однако для улиц Москвы этот способ не годился. В последний раз остановились прямо рядом с железным Феликсом на Лубянке – благо на месте будущего Детского Мира шла стройка. Шофер получил втык от милиции за остановку в неполюженном месте, но салон автобуса не пострадал.

По словам *Коли Короновского* в МГУ приехали совершенно обессиленные абрикосами. Курс построили за памятником Ломоносову на Моховой вместе с географами и будущие защитники Отечества один за одним просились выйти из строя.

Отцы-командиры в лице полковников Блинова и Спивака с удивлением восклицали: «Что это за воинство такое?!?!» Пришлось рассказать про абрикосы. Но даже температура «сорок» уже ничего не могла изменить. Нас погрузили в поезд и мы поехали в Петушки.

СПЕЦУРА И ЛАГЕРЯ

Вспоминает *Рем Рожков*. Колоритные у нас были полковники-командиры: Тараканов, Блинов, Марков, Спивак.

Очень хорош был полковник Блинов. Огромный, с мощным розовым затылком и ёжиком рыжеватых волос.

Особенно его радовал Дима Ванин, который вместо того чтобы сказать, что в станине пушки имеются пазы, обозвал их промоинами. Хохотал Блинов долго.

А ещё любил он переключку, и когда доходил до фамилии «Чен», делал паузу и ждал, чтобы кто-то громко добавил «Кай Ши», а когда доходил до «Ли», ждал добавления «Сын Ман». Это его страшно веселило.

Запомнились (*Стасу Снеговскому*) нередкие розыгрыши Лёни Пикулевича. Вот один из них. Полковник пишет на доске формулы, временами подходя к столу и заглядывая в лежащий там конспект, куда они вписаны карандашом. И вот, переверачивая очередную страницу, он озабочено что-то рассматривает и предлагает прекратить вывод формулы и перейти к конечному результату. «Нет! – раздаётся громкий голос Пикулевича. – Так нам ничего не будет понятно!» Полковник объясняет, что вывод знать не обязательно, но Лёня стоит на своем. Мы все дружно поддерживаем его, так как теперь понимаем, зачем Пикулевич под-

ходил к столу и что-то тер там резинкой, пока полковник писал на доске.

Лагеря запомнились (*Рему Рожкову*) жарой, строевыми песнями, бочкой с хлоркой перед столовой, газовой камерой, свиной из полкового подсобного хозяйства и местным подполковником Корнибедой, про которого Валька Мытарев метко заметил: «Солнце скрылось за тучкой, Корнибеда – ж... с ручкой».

Ну, а мне хоть здесь повезло. Сыграл в футбол за полковую команду и приобрёл привилегированное положение: тяжёлых сапог не носил и ходил в кедах, в связи с чем не участвовал ни в каких смотрах и проверках, а при построении стоял крайним на левом фланге, хотя у нас были и меньше ростом. Ну, например, Женька Голубев и Юра Рас-трусин.

Но однажды, кидаясь сосновыми шишками, я угодил в голову полковнику Спиваку. Он разозлился и отправил меня «на губу», чем ввёл в недоумение местного сержанта, который сказал, что им своих некуда сажать, а тут какой-то студентик в кедах – и прогнал меня.

Запомнился майор, который вёл занятия по материальной части. Большой любитель материться по любому поводу. Так, когда его спрашивали: «Тов. майор, что это такое?», – обычный ответ был «А, это для любопытных!». Отыгрался за всех Ванька Карякин. В последний день занятий мы вычистили пушку, а грязные тряпки развесили на дуле.

– Это что такое? – рявкнул майор.

– А это... для любопытных, – парировал Ваня.

Накануне отъезда нам устроили душегубку в газовой камере. Заперли дверь, надели противогазы и пустили газ. Конечно, он просочился внутрь противогаза, и наша команда, смяв сержанта и выбив дверь, вырвалась наружу. Ну, а мы с Сэмом в это время сидели рядом в кустах и наблюдали весь этот цирк со стороны.

Вспоминает *Коля Короновский*.

Лагеря я начал с санчасти помнится вместе с Шарыбкиным. Температура была высокой. Таблетки конечно давали, но главное средство – голод. Этого мы не могли вынести более трех дней и попросились «в строй», о чем потом пожалели, но было поздно.

Жили вместе с географами в казарме с двухэтажными нарами и плотностью не более 0,5 кв. м на человека. И вот в этой плотности оказался один из нас с таким храпом, ну с таким храпом !!! Это был мой сосед Дима Ванин. Чего мы только не делали?! И цокали, и свистели и нос ему затыкали. Помогало не надолго – заснуть не успевали. Обозлившись вконец (все равно – не спим!), мы налили (ясно чего!) ему в сапоги. На утреннюю проверку к удивлению полковника Ванин вышел боссяком и потом целый день дурака валял – сушил сапоги, а мы вкалывали.

После команды «Отбой» должна была наступать полная тишина. И вдруг явственный шепот Димы Ванина: «Жень, Жень (Красильникову)! Ты мою простыню не видел?». И крик сержанта: «Подъем!» - надо за 40 сек одеться, построиться. Потом: «Батарея!! Отбой!» - за 40 сек раздеться и уже не дышать. Если кто вякнет – всё повторится сначала. «Ванин, мы тебя побьем!». Но ничего не помогало. Ванин – это Ванин. Как-то в свою очередь не несет и не несет воды для бритья. Пошли выяснять. Стоит над колодцем. «Фата-то есть, а фот достать-то как?» -- а мы его ждем с намыленными фейсами!

Как-то наш Ванин, которому не давалось качественное бритьё, вышел на построение с лицом, порезанным и кровоточащим, как после атаки. Даже гимнастерка в крови. На вопросы полковника ответ: «Матадор попутал, товарищ полковник!» -- с неповторимым ванинским прононсом!

Любили отцы-командиры загружать нас разнообразной работой. Однажды приказали вычистить тягач. Все траки палочками и тряпочками прочистить, ну, чтоб, как новый был. Мы прочистили всё, как велено было. Долго стара-

лись. Подошел, помнится, капитан Ежеленко слегка «под шафе». «Сейчас проверим!» – залез в этот тягач и чуть-чуть порулил по грязи. Мы его были готовы убить!

Вот такие лагеря, а вот байки про «СПЕЦУРУ» *Вали Мытарева*:

- Полковнику Блинову задаем вопрос: «Что будет в случае прямого попадания зенитного снаряда в самолет?». Ответ: «Один раз был такой случай. Мы пытались наблюдать падение летчика, но так и не наблюдали».
- Вопрос к тому же полковнику: «Говорят, что в последнее время взрывчатое вещество аммонит изготавливают из юрских аммонитов?». Ответ: «Очень может быть!».
- Военные сборы. Ожидается приезд высокого начальства. Нас заставляют наводить порядок. На следующий день капитан задает вопрос: «Кто чистил зарядный агрегат?» – молчание. Еще раз спрашиваю: кто чистил?» Снова молчание. Капитан – в крик: «Кого я встретил вчера около больницы?» -- Рем Рожков, делая шаг вперед: «Больных, товарищ капитан!»..

КАК МЫ ПОДРАБАТЫВАЛИ

Один мой (*Манона Хасанова*) земляк, студент МГУ, был на учёте в Мосфильме (т.е. был в их картотеке) на случай, если понадобится такой типаж, как он. Позже я узнал, что многие студенты так зарабатывали на жизнь. Мы тоже зарабатывали на разных работах: разгружали вагоны, баржи и т.д. Даже профсоюз в Клубной части МГУ часто вывешивал объявления «Имеется работа» и т.д. Некоторые студенты таким образом имели «постоянную» работу: кололи дрова для подмосковных столовых, котелен и т.д. Однажды мой земляк с Истфака сообщил мне:

– Манон, будут снимать кино «Илья Муромец» и там требуются типажи--азиаты в неограниченном количестве.

Я обрадовался и потащил на Мосфильм В.Бондаренко, А.Минервина и других. Там были студенты со всех ф-тов. Это было во время зимних экзаменов. Мы должны были находиться в павильоне с 14 час и до поздна, иногда до 24-х, а снимали нас всего один или два часа. Остальное время мы могли готовиться к экзаменам. Нам выдали пропуска и в течение месяца мы снимались в кино. Мы брали конспекты и в 14 час приходили на Мосфильм в свой павильон. Заходили в гримёрную, нас красили, клеили бороду, усы, потом выдавали одежду, в которой мы и ходили до конца дня. Мы играли воинов, то есть, «тугар» «Канина царя». Царя играл народный артист СССР и УзССР Шукур Бурханов, Илью Муромца – народный артист СССР Андреев. Мы, студенты, играли тугар (воинов-монголов), а, когда нужно, – и другие роли.

Это было очень интересно. В кино, оказывается, много обмана и комбинаций. Например, лошадь Ильи Муромца была живая, а лошадь другого богатыря была вылеплена из гипса. Чтобы показать, что эта лошадь тоже живая, два студента дёргали за нитки, привязанные к искусственным ушам, и шевелили ими. А в другой сцене мы играли музыкантов. В руках вместо инструментов были литые подсвечники и другие безделушки и мы покачивались под такт магнитофонной музыки, как будто это мы играем. А танцовщица Ан Сун-Хи (стажёр Большого театра из Кореи) танцевала под нашу музыку на специальной площадке, как будто «поддерживаемой» рабами. Одного из рабов (самый правый) играл В.Бондаренко.

В общем, обмана в кино хватает. Я был доволен, т.к. я многое увидел своими глазами.

В эти дни на Мосфильме в трёх павильонах снимали три фильма: «Илья Муромец», «За витринами универмага» и «Высота», Я увидел многих знаменитостей: Игоря Ильинского, Людмилу Гурченко, Рыбникова, Андреева, Ш.Бурханова и многих других. С двумя последними даже подружился.

Иногда нам в клубе МГУ студенты ВГИК(а) демонстрировали свои дипломные работы. В одной дипломной работе показаны морские сражения из фильма «Адмирал Нахимов», снятые в небольшом детском корыте. Если бы авторы не показали в верхнем углу экрана ушко корыта, мы сами и не догадались бы.

НЕМНОГО О ЛЮБВИ

Это ж удивительно до чего же мы в основном были пуритане! Наверное, нас сильно затормозило по этой части комсомольское бесполое воспитание и вот это: «Прежде думай о Родине, а потом о себе». Официально нам было разрешено любить только родную коммунистическую партию. Понятие «родина» подменялась «любимой» партией и правительством. И всё! Природа конечно брала своё, однако по этой части мы были достаточно скрытными и «установка вошла в образ». Поэтому об истинной любви рискнул высказаться один *Рем Рожков* (кстати, его имя в духе того времени означает РЕволюция Мира – чтоб вы знали!):

«Как-то у нас всё это в основном проходило мимо – не тем были заняты. Вот Марик был влюблён в Томку Овчаренко, но вроде без взаимности. Да и с Пикулем шутки плохи. Вовка Савинченко (в простонародье «Джон») в Наташку Разенкову и тоже без взаимности. Вот такие разыгрывались трагедии.

Мне нравилась Сонька Ярлушкина, Ольга Бондаренко, Наташка Семёнова, Эмка Пичий, может быть, ещё кто. Ванька Карякин был равнодушен к Зойке Пудовкиной. Сэм Рожин скитался где-то на стороне. Да и до того ли нам было, не те времена, не сложилось, хотя вроде бы и жаль.

Были у нас и женатики. Правда, у них как-то не получилось. Была одна пикантная история с Гамидом Мустафаевым, которому за любовь пытались устроить судилище, и его спасла от исключения Татьяна Степановна Балякина, хороший человек, вечная ей память».

Об этом собрании вспоминает и *Коля Короновский*.

«Помню одно комсомольское собрание с необычной для нас темой. Разбирали личное дело Гамида Мустафаева в связи с жалобой девицы, у которой то ли родился, то ли должен был родиться ребенок, отцом которого якобы является Гамид. Собрание ведет наш бессменный старший товарищ, секретарь ВЛКСМ факультета Володя Кузьмин. Присутствует сама эта девица и её мать. И комсомольцы курса.

Кузьмин мнетя – не знает какими словами спрашивать, чтобы понять суть дела.

Мать девицы утверждает, что Гамид – отец ребенка и поэтому обязан жениться.

Комсомольская «галерка» кричит: «Подробности!».

Кузьмин – черт знает в каких выражениях -- просит рассказать, как дело было.

Маша Роев в большом возмущении: «Это безобразие!» - вроде бы требовать говорить об этом здесь при всех.

А галерка в лице Рема, Джона и Сэма: «Давай подробности!».

Вскочила Соня Ярлушкина и тоже в сильном волнении кричит (Это еще и Миша Гончаров доподлинно помнит!): «Он (Гамид) и меня тоже хотел поцеловать!».

А сверху – не то Рожин, не то Рожков: «Да кто ж тебя не хотел поцеловать-то на курсе?»

Курс грохнул! И продолжалось это разбирательство до ночи. Однако выяснилось (с помощью взрослой Татьяны Степановны Балякиной, которой всё это конечно было ясно с самого начала), что Гамид не мог быть в необходимое время в нужном месте и за всем этим делом стоит примитивная корысть».

Была и такая история:

В середине учебы Наташа Анисимова приняла предложение сокурсника Коли Хераскова выйти за него замуж (она тогда еще была на курс старше нас). Этим обстоятель-

ством очень озаботилась комсомольская организация. Дело в том, что Коля не был комсомольцем (даже и пионером не был!). «Ты опускаешься до некомсомольца!!!» – волновался Володя Кузьмин. Наташа, конечно, «опустилась» до Коли. Он был такой красивый! Да и любовь, как известно, не картошка....

Но ведь было возможно вот так ставить вопрос на комсомольском собрании!

Однако в жизни даже при советской власти все-таки было место чуду!

«Удивительную судьбу уготовил нам с мужем родной Ун-т – рассказывает *Света Ожиганова* -. Мы познакомились на вечере в МГУ, который проходил в начале октября 1955г. Я – студентка V курса, он – молодой специалист, инженер. В ту пору в фойе Актового зала устраивали игры, розыгрыши. В том числе раздавали карточки с именами литературных героев, и к ним нужно было найти пару. Мне досталась карточка с именем Ширин («Легенда о любви» Назыма Хикмета), а Виктору с именем Фархат. В конце концов он меня разыскал, и вот мы с ним неразлучны, а в конце февраля 2006 г. будем отмечать Золотую свадьбу».

И ещё чуть-чуть о том же. Похоже, осознавать упущенное мы стали уже на наших вечерах. Помню (*Гая Постникова*) ресторан «Прага». Танцую с Игорем Галкиным. Музыка кончилась, остановились около одной из наших девочек – не помню около кого. Он её спрашивает: Как твои дети? Она: «Какие дети? У меня и мужа нет!» Он: «А друзья на что?».

О том же свидетельствует *Стас Снеговской* : «На красоту нашей вешняковской природы обратили как-то внимание девушки нашего курса, и они изредка навещали нас, иногда с лыжами. Мы были рады им, но вот гостеприимству мы были как-то не научены (уж не говоря о хлебосольстве). Мне прямо-таки стыдно вспоминать, какими серьезными мы

были тогда – ни комплиментов, ни лукавого или шутливого ухаживания».

Наивны мы были до глупости. Только 55 лет спустя мы узнали от одного из наших бывших мальчиков, как он проходил медкомиссию при поступлении. В списке врачей, которых надо было обойти, среди прочих стояло: «Гинеколог – каб.№ ..». Он и пошел в «каб.№ ». Ну, если надо! Врачи-ха вскочила со стула и выгнала его с криком, приняв за злостного хулигана.

Некоторые девочки оставались «темносерыми» еще лет 20-30. Трудно поверить? Однажды после темпераментного обсуждения чисто геологических вопросов, молодой жизнелюбивый прораб сказал, не без лукавства поглядывая на одну нашу бывшую девочку: «Ох, и трахнул бы я тебя сейчас!!!» Бывшая девочка аж обомлела: «За что?!?!»

Вот и пролетели милые нашему сердцу студенческие годы. Для каждого из нас они остались самыми дорогими и светлыми из всех последующих лет.

Это сказал *Рем Рожков*, и все мы с ним согласны.